Г.Э. Щеглов

Преосвященный Виктор Садковский,

первый Минский архиепископ

К вопросу об изучении истории Православной Церкви на белорусских землях

История Православной Церкви Беларуси еще не написана. И в этом нет ничего удивительного. Возрождение Православия, которое Беларусь пережила в XIX — начале XX века, привело не только к увеличению числа верующих, но и восстановлению православной культуры (slavia orthodoxa). Проявлением этого непростого процесса стало зарождение православной белорусской интеллигенции с ее обостренным чувством прошлого и глубоким интересом к тому историческому пути, который прошли восточные славяне на протяжении своего тысячелетнего существования. Не случайно именно в XIX веке появляются исторические труды, раскрывающие сложные, подчас трагические страницы Православной Церкви на белорусских землях.

Ее первым историком стал Могилевский архиепископ Георгий (Конисский). Вместе с заботой об устроении единственной в то время православной епархии Речи Посполитой, большие усилия Святитель прилагал к собиранию документов, подтверждавших права православных перед государственными властями. Именно они составили реестр отобранных церквей, положивших начало знаменитому «Архиву Конисского»[1]. Документы и копии Архива использовались православными в тяжбах с католиками и униатами. Этим же целям служили

«Записки о том, что в России до конца XVI в. не было никакой унии с Римской церковью»[2]. Не менее обосновано и глубоко, с привлечением широкого круга источников написано «Историческое известие о епархии Могилевской, в Белой России состоящей, и о епархиях, в Польше бывших, благочестивых, т.е. греко-восточного исповедания, кои римлянами обращены или соединены с Римскою церковию» с приложением «Каталога православных епископов Могилевских»[3], которое стало первой попыткой изложения истории западнорусских православных епархий от начала их возникновения «до недавних лет».

Работу архиепископа Георгия (Конисского) по сбору и изложению материалов, отображающих историю Православной Церкви Беларуси, Литвы и Украины, продолжил его внучатый племянник протоиерей Иоанн Григорович. Усилиями исследователя были опубликованы сборники документов, сохранившихся благодаря стараниям Могилевского владыки, а также собранных самим отцом Иоанном по монастырям и архивам. Среди них: «Белорусский архив древних актов» (1824 г.), «Акты археографической экспедиции» (1834-1838 гг.), «Акты исторические» (1841-1842 гг.) и «Акты, относящиеся к истории Западной России» (1846-1853 гг.). Источники, собранные и опубликованные протоиереем Иоанном Григоровичем, не только познакомили широкого читателя с гражданской и церковной историей Западной Руси, но и положили начало развитию археографии и источниковедения. Однако главное значение введенных в научный оборот документов состоит в возрождении тех страниц исторического прошлого края, которые к началу XIX века были в силу разных причин

почти утрачены или забыты. Появление нового пласта исторических материалов способствовало возникновению в обществе интереса к историческому прошлому Беларуси и Украины.

Дело, начатое архиепископом Георгием (Конисским) и протоиереем Иоанном Григоровичем, продолжил профессор Санкт-Петербургской духовной академии, уроженец Беларуси, М.О. Коялович. Главной темой научной деятельности историка становится изучение Брестской церковной унии и ее эволюции[4]. Увлеченность историка предметом своего исследования и полная неизученность конфессиональной истории Западной Руси, в том числе и Беларуси, способствовали появлению плеяды блестящих исследователей церковной истории, учеников М.О. Кояловича. Наиболее талантливыми среди них стали П.Н. Жукович, С.Г. Рункевич, В.З. Завитневич, К.В. Харлампович, исторические исследования которых были связаны с историческим прошлым Православия на землях Западной и Южной Руси.

В 1884 году вышел фундаментальный труд И. Чистовича «Очерки истории западнорусской церкви»[5] — первое систематическое изложение истории Православия на литовско-белорусско-украинских землях, доведенное до середины XVIII века.

В 1895 году был напечатан «Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве» преподавателя Литовской духовной семинарии Г.Я. Киприановича[6], ставший учебным пособием для воспитанников православных духовных школ Беларуси.

Разработка церковной историографии переживает расцвет в последней четверти XIX века. Это было связано не

только с публикацией широкого круга источников, к этому времени достаточно хорошо освоенных. Пятидесятилетие Полоцкого церковного собора и совпавший с ним юбилей митрополита Литовского Иосифа (Семашко), осмысление исторического значения этих явлений, вызвали появление многочисленных исследований, раскрывающих малоизвестные страницы в церковной истории Беларуси. Среди литературы, вышедшей в это время, заметное место принадлежит работам церковных историков-краеведов, трудившихся в Литовской, Могилевской, Минской и Витебской семинариях: Г. Хрусцевича, И. Котовича, Е. Орловского, Л. Паевского и многих других. Их исследования, публиковавшиеся на страницах местных «Епархиальных Ведомостей», были написаны на обширной источниковой базе и поднимали малоизвестные и одновременно общественно-значимые темы по истории Православной Церкви на землях, некогда входивших в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой.

Таким образом, к концу XIX — началу XX века сложилась школа православных историков, уроженцев Беларуси, по преимуществу воспитанников Санкт-Петербургской духовной академии, труды которых охватывали все периоды существования Православной Церкви на белорусских землях, раскрывая историческую роль Православия в судьбе белорусского народа.

Эта традиция на рубеже веков получила продолжение и в творчестве гражданских историков, талантливейшими представителями которых являются воспитанник Санкт-Петербургского университета А.П. Сапунов[7] и воспитанник Санкт-Петербургской духовной академии К.В. Харлампович[8], а

также исследователей, связанных своим служением с Церковью, среди них особое место принадлежит протопресвитеру Георгию Шавельскому[9]. Так в начале нового века проблематика, близкая только церковным историкам, становится интересной и светским исследователям Беларуси. В тоже время гражданская история Беларуси делается предметом изучения историков Церкви, например, П.Н. Жуковича[10]. Так два исследовательских потока сливаются в едином русле.

Однако интенсивное и плодотворное изучение церковной истории Беларуси было прервано катаклизмами начала XX века. События 1917 года, открывшие богоборческий советский период, привели не только к разгрому церковных структур и физическому истреблению духовенства, но и способствовали уничтожению церковной науки, как одного из направлений исторических знаний. Православная школа церковной истории, созданная к началу XX века, так же как и ее создатели оказались ненужными новым властям. Один за другим в лишениях и болезнях они уходили из жизни. Так трагически сложилась судьба того поколения православной белорусской интеллигенции, которое сформировалось в пост-Полоцкий период. Блестяще образованные и убежденные в светлом будущем белорусского народа в союзе с православной Россией, они оказались лишними людьми в советской России и ненужными в советской Беларуси. Это были первые «диссиденты» нового времени. С уходом из науки и жизни этого поколения историков оборвалась преемственность в развитии исследовательской школы, связанной с изучением церковной истории. Пласты знаний, восстановленные историками XIX — начала XX века, так же как и их имена оказались пог-

ребенными под руинами. Утраченными и подлежащими реставрации оказались целые направления историко-церковных знаний, таких как церковная археология, церковное источниковедение, церковная историография, библиография, теоретическая разработка которых началась еще в XIX веке.

Только в конце 80-х — начале 90-х годов XX века вместе с возрождением Церкви начинается и новый этап в развитии церковной истории, в том числе и Беларуси. Первыми работами, положившими начало историко-церковным публикациям нового времени стали появившиеся одна за другой монографии архиепископа Афанасия (Мартоса) «Беларусь в исторической государственной и церковной жизни»[11] и А.А. Мельникова «Путь непечален»[12].

Настоящим событием в осмыслении церковной истории явилась историко-богословская конференция, посвященная 1000-летию образования Полоцкой епархии, состоявшаяся в 1992 году. Впервые в научной жизни Беларуси на совместном заседании встретились светские исследователи и богословы, открыто и непредвзято поставившие вопрос о роли Православной Церкви в истории Беларуси. Материалы, опубликованные по итогам этой конференции, по сей день привлекают яркостью мысли, новизной в понимании прошлого и настоящего Беларуси.

Традиция проведения юбилейных конференций получила развитие. В 1996 году в рамках научно-богословской конференции, посвященной памяти преподобномученика Афанасия, игумена Брестского, были обсуждены проблемы, связанные с 400-летием Брестской церковной унии[13]. В 2005 году XI-е Минские епархиальные Чтения, посвященные 1000-летию

Туровской епархии, дали возможность проверить научную достоверность имеющихся исторических суждений о ее возникновении и дополнить их новыми малоизвестными страницами. Каждое заседание этих конференций стало ответом на злободневные вопросы, выдвинутые временем и проверенные в богомудром наследии отцов и учителей Церкви.

Наряду с крупными юбилеями, которые являются катализаторами в развитии научных знаний, началась кропотливая работа по созиданию исторических очерков православных епархий. Продолжая традиции, заложенные церковными историками XIX века, современные исследователи выпустили исторические очерки Минской епархии, историко-статистические обозрения Полоцкой и Минской епархий, историко-справочные пособия «Церкви и приходы Минска»[14], «Приходы и монастыри Белорусской Православной Церкви»[15].

Исключительно важным явлением среди историко-церковных изданий стала серия «Наши духовные ценности» (главный редактор издания Л.Ф. Анцух). Пять книг этой серии, созданные объединенными усилиями многих исследователей, стали для читателя, по словам митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего Экзарха всея Беларуси, Филарета «добрым посохом в тяжком жизненном странствовании».

Восстановление историко-церковных исследований отразилось и на содержании церковной периодической печати. Возродились «Епархиальные Ведомости» с их неофициальным отделом, в котором, как и в былые времена, печатаются материалы по истории Церкви Беларуси. Лучшие традиции прошлого продолжает альманах «Праваслаўе» (главный редактор прот. Георгий Латушко). Церковно-историческая про-

блематика выгодно отличает газету «Воскресенье» от другой церковной периодической печати современной Беларуси.

Большая работа проделана по возрождению забытого научного наследия. Среди возвращенных к жизни имен следует назвать М.О. Кояловича, Константина Зноско, В.А. Беднова, протоиерея Иоанна Флерова, епископа Афанасия (Мартоса). Переиздание работ историков XIX начала XX века служит восстановлению утраченной связи веков и школ.

Лучшие традиции, созданные православными историками белорусской школы, продолжены в серии публикаций священника Федора Кривоноса. Среди них особое значение имеет «Синодик за веру и церковь Христову пострадавших в Минской епархии (1918-1951 годы)»[16], легшей в основу канонизации новомучеников Беларуси.

Итогом православных исследований последних десятилетий стала статья «Православие», опубликованная в четвертом томе «Православной Энциклопедии», издаваемой в Москве под общей редакцией святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II. История Православной Церкви на белорусских землях содержит материалы с X века до наших дней. По сути — это основа для создания фундаментальной истории Православной Церкви Беларуси.

Параллельно с исследованиями, которые ведут церковные историки, изучением истории Православной Церкви занимаются светские ученые: историки, филологи, юристы, искусствоведы. Несмотря на многогранность проблематики и богатый фактологический материал этих исследований, ошибки методологии и излишняя политизация авторов, зачастую приводит к искажению истории Православия. Поэтому счи-

тать изучение церковной истории Беларуси в настоящее время завершенной вряд ли возможно. Это особенно отчетливо заметно при осмыслении истории XIX-XX веков, периода, изучение которого было только начато в начале XX века и внезапно остановлено в 1917 году. Оно возобновилось после большого перерыва в 90-е годы ушедшего века.

Исследованию подлежит не только тот непростой исторический путь, который прошла Православная Церковь Беларуси от Возрождения в XIX веке до ее разгрома в XX и нового восстановления церковной жизни на пороге XXI века. Такие события церковной жизни, как Полоцкий церковный собор или влияние указа о веротерпимости 14 апреля 1905 года на церковную жизнь населения Беларуси, роль Православия в формировании культуры и народного самосознания еще ждут своего исследователя. Многие проблемы, с которыми сталкивалась Православная Церковь в минувшие столетия, возникают перед ней и в настоящем. Прежде всего, это проблемы взаимоотношений с иными христианскими конфессиями, особенно римо-католицизмом. Дать им должную оценку — задача современных историков Церкви.

Историкам надлежит возродить и имена тех людей, благодаря трудам и подвигу которых Святое Православие живо в Беларуси и по сегодняшний день. Именно такими деятелями истинной веры Христовой являются святитель Георгий (Конисский) и его ученик, друг и сподвижник, Минский архиепископ Виктор (Садковский) (1741-1803).

С именем этого замечательного иерарха связано учреждение в 80-х годах XVIII столетия Православной кафедры в Речи Посполитой, первые годы существования Минской

архиепископии, открытие и устроение Минской духовной семинарии, духовных училищ. Но, несомненно, самым важным и знаменательным событием в церковном служении Преосвященного Виктора стало воссоединение униатов с Православной Церковью, происшедшее на территории Украины и Беларуси в 1794-96 гг., когда более полутора миллионов униатов, под руководством архипастыря, вернулось в Православие. Значимость этого события и то деятельное участие, которое принимал в столь великом деле Преосвященный Виктор, придают его личности заслуженный авторитет.

Жизнь и церковная деятельность владыки Виктора представляет большой интерес и с точки зрения изучения судеб духовенства Беларуси и Украины в XVIII-XIX вв. Формально (рождением) связанное с Униатской церковью, своим воспитанием и семейными традициями оно было крепко соединено с Православием. Искреннее почитание Православия в унии вместе с симпатией к единоверной России было весьма распространенным явлением среди населения Беларуси и Украины, волей судеб оказавшегося в составе католической Речи Посполитой. Эти настроения выразительно переданы в «Записках» Литовского митрополита Иосифа (Семашко)[17] и его однокашника по Главной Литовской семинарии Минского архиепископа Антония (Зубко)[18]. Примером подобного же мироощущения является переписка М.О. Кояловича с известным издателем А.С. Сувориным[19]. Подобные же настроения, по-видимому, царили и в семье Садковских.

Современному читателю жизнь и деятельность первого Минского архиепископа Виктора (Садковского) практически неизвестна. Ее приходится открывать заново. Познакомить

читателя с личностью Преосвященного, осветить жизненный путь и труды архиерея, поставленного Богом на служение в один из самых сложных и ответственных периодов жизни Православной Церкви в границах Речи Посполитой — задача настоящего исследования.

Материалы, касающиеся жизни и деятельности архиепископа Виктора, печатались в виде интересных, но весьма ограниченных по размеру статей, опубликованных в разных периодических, преимущественно церковных, изданиях. Среди авторов публикаций можно упомянуть священника Стефана Барановского[20], протоиерея Андрея Страдомского[21], протоиерея Петра Орловского[22], священника П. Л-ва[23]. Более обстоятельно деятельность Садковского представлена в монографии М.О. Кояловича «История воссоединения западнорусских униатов»[24]. О служении Преосвященного Виктора сведения имеются в трудах по истории западнорусской Церкви таких историков, как В.А. Беднов[25], Г.Я. Киприанович[26], И. Чистович[27]. Фундаментальное изучение личности архиепископа Виктора (Садковского) принадлежит С.Г. Рункевичу[28]. Архивный материал, лежащий в основе его работы, обогатил исследование рядом точных исторических дат, малоизвестных или совсем неизвестных фактов. Он смог восполнить обширные пробелы, а также устранить и исправить многие неточности в биографии Преосвященного Виктора.

В исследовательской литературе сложилось несколько точек зрения, на личность и деятельность Преосвященного Виктора (Садковского). Одна принадлежит М.О. Кояловичу, который представляет архиепископа Минского человеком нерешительным, слабым и даже недалеким, как будто не

понимающим и не дорожащим тем великим делом, во главе которого ему пришлось стать. Другой взгляд, противоположный, рисует Преосвященного Виктора человеком в высшей степени энергичным, полным апостольской ревности и непоколебимой воли, способным затмить славу даже самого Конисского. Наиболее объективная точка зрения на наш взгляд принадлежит С.Г. Рункевичу, который не согласен ни с той и ни с другой позицией. Именно Рункевич наиболее глубоко и обстоятельно исследовал жизнь первого Минского архиепископа. Обилие архивного материала, оказавшегося в свое время в его руках, дало исследователю исключительную возможность восполнить обширные пробелы, а также устранить и исправить многие неточности в биографии Преосвященного Виктора. Он сумел обогатить свое исследование целым рядом точных исторических дат, малоизвестных или совсем неизвестных фактов, воспроизвести максимально точную хронологию многих событий.

Источники, которые положены в основу настоящей работы, весьма разнообразны и представлены материалами разного рода. Прежде всего, это — письма Преосвященного Виктора к разным лицам с 1768 по 1796 гг.[29] и многочисленные материалы официального делопроизводства («Служебный путь Преосвященного Виктора Садковского, первого Минского архиепископа», «Дело об арестовании поляками Преосвященного Виктора Садковского 18 апреля 1789 года»[30], а также документы, опубликованные протоиереем Петром Орловским[31]), собранные и тщательно проанализированные исследователем.

Молодой ученый Гордей Эдуардович Щеглов, чью ра-

боту мы предлагаем Вашему вниманию, дает возможность читателю самому ознакомиться с жизнью и архипастырскими трудами Преосвященного Виктора (Садковского) и самому оценить непростой и нелегкий жизненный путь одного из усерднейших делателей потрудившегося на ниве Христовой в нашем Отечестве.

В.А. Теплова

Глава 1
На пути к будущему служению

Преосвященный Виктор (Садковский) родился предположительно в 1741 году и был наречен в крещении Василием. Его отец и дед — православные священники, принадлежали к старой украинской шляхетской фамилии.

Отец будущего владыки, иерей Симеон, будучи православным священником, под давлением сложных жизненных обстоятельств вынужден был перейти в унию. Это было то непростое для православия на Украине и Белоруссии время, которое было вызвано решениями Гродненского сейма 1717 года и Варшавского сейма 1732 года. Главным же «достижением» законодательства Речи Посполитой стала отмена права православного населения обращаться за покровительством к представителям России при королевском дворе, полученное по «вечному миру» 1686 года. Именно тогда правительство Речи Посполитой начинает отождествлять православных с протестантами, лишая доступа к государственным и общественным должностям. «Partes infidelium» — «страны неверных»[1], такое наименование теперь получили Белоруссия и Украина. Одна за другой православные кафедры переходили в руки униатов, деятельность магнатерии и шляхты в пользу православия почти прекратилась. Православную веру называли не только верой хлопской, но верой арианской, собачьей. Православные храмы именовали «синагогами», а самих

верующих — «схизматиками» и «еретиками». Православному духовенству запрещалось открыто появляться на улице со Святыми Дарами; церковные требы — крещение, браки, похороны — разрешалось совершать не иначе как с позволения католических ксендзов за определенную плату, даже мертвых православным не дозволялось хоронить публично, а только под покровом ночи[2]. На украинско-белорусские земли отправлялось множество католических и базилианских[3] монахов в виде специальных миссий для обращения православных в унию и католичество. Издевательствам этих миссионеров над православным народом не было никаких пределов[4].

Откровенно униженное и поставленное едва ли не в один ряд с язычеством православие было жертвой бесчисленных нападок и разнузданного своеволия со стороны шляхты, которое превратилось в своего рода геройство. Зачастую священников привязывали к столбам, били плетьми, сажали в тюрьмы и глухие ямы, морили голодом и жаждой, насмешливо давая им в пищу сено, бесчестили и поносили их жен и дочерей, впрягали священников вместо лошадей для возки воды и навоза, их травили собаками, рубили им пальцы, ломали руки и ноги; тех, кто оставался в живых, но не хотел принять унии, как правило, выгоняли из домов и изгнанники со своими семействами едва находили себе где-либо мирный приют[5]. На православные монастыри и храмы устраивались варварские набеги, их грабили и предавали огню.

Бесчисленные притеснения и преследования доводили православных людей до душевного изнеможения и религиозного безразличия, так что многие из них, приходя в отчаяние, отпадали от православия в унию и католичество. Нередко и

сами православные священники, не выдерживая насилия и многообразных бедствий, вызванных гонениями, вынуждаемы были идти на компромисс со своей совестью и принимать унию. Вероятно, нечто подобное пережил и отец Преосвященного Виктора. По-видимому, это был печальный пример, временной победы плоти над духом, когда горькая перспектива голодных скитаний вынудила бедного, семейного священника опустить глаза перед строгим взором чистой совести.

Приняв унию, иерей Симеон Садковский получил от архиепископа Анастасия (Шептицкого) назначение на должность настоятеля церкви в село Голубша на Уманьщине. Однако недолго длилось его отступление от отеческой веры. Внутренний подъем духа, вызвавший искреннее раскаяние, а также внешние обстоятельства — конфликт с местным владельцем — заставили Садковского-отца порвать с унией и вернуться в лоно Православной Церкви[6].

Он переехал со своей семьей в Киев, где был назначен вторым священником при Свято-Преображенской церкви. Из Голубши отец Симеон унес неизгладимые чувства неприязни и непреодолимого отвращения к унии, которые и привил с ранних лет своему сыну Василию[7].

Для многих православных жителей Речи Посполитой того времени Киев был символом духовной крепости православия. Он притягивал к себе православный народ со всех уголков Литвы, Белоруссии и Украины, оказывая могущественное воздействие на души даже униатов и католиков. Сами униаты нередко сетовали, что Киев губит унию, что ничего нельзя сделать с привязанностью православных к Киеву и с тем впечатлением, которое они оттуда выносят[8]. Таково было

влияние на сердца людей полного древних святынь города.

Одним из драгоценнейших сокровищ, которым красовался древний Киев, была его духовная академия. Многие представители украинского и белорусского духовенства, не только православного, но и униатского, старались отдать своих детей воспитываться в Киевскую академию, в то время крупнейший центр образования и культуры восточных славян[9].

Перемещение священника Садковского в Киев предоставило ему благоприятную возможность дать своим детям хорошее образование.

Юный Василий был принят в число воспитанников Киевской академии. Надо сказать, что академия в то время не имела характера исключительно высшего учебного заведения. В ней, как и в семинариях, обучение начиналось с низших классов грамматики. Полный академический курс был рассчитан на 15 лет и разделялся на восемь классов. Это были: фара (или аналогия), инфима, грамматика, синтаксис, поэзия, риторика, философия и богословие. В низших и средних классах преподавали грамматику славяно-русского, латинского и греческого языков, краткий катехизис, географию, арифметику и истории священную, всеобщую и русскую, изучали законы стихосложения и овладевали секретами риторской премудрости[10]. Класс риторики был как бы гранью разделяющей учащихся на две неравные части. Только высшие классы философии и богословия составляли собственно академию, и их слушатели назывались студентами, тогда как воспитанники первых шести классов — просто учениками[11].

Годы учебы Василия в академии пришлись на то замечательное время, когда там преподавал и затем ректорствовал

уважаемый и горячо любимый всеми, профессор Георгий Конисский[12], оставивший в ней глубокий след своего могучего и разностороннего таланта.

Конисский, будучи профессором поэзии (с 1745 г.), старался, как можно шире, знакомить своих питомцев с российской литературой, он заботился «о водворении русского языка между малороссиянами, по образцам ломоносовским»[13].

Характерной чертой преподавания Конисского на кафедре философии, которую он занимал с 1747 года, было стремление к изложению своего предмета в свете святоотеческого учения. Изъясняя слушателям истины разума, он старался обосновывать их соответствующими мнениями отцов и учителей церкви, как богопросвещенных мыслителей христианства. Благодаря высокому научному авторитету Конисского, господствующая в академии философская система Аристотеля была заменена философией христианина Баумейстера, принятая тогда во всех учебных заведениях Европы[14].

Утвержденный в 1751 году в качестве профессора богословия, Конисский произвел в преподавании этой науки серьезные преобразования. Он отвергнул рапсодичность, какую придал в свое время академическому богословию Феофан (Прокопович)[15] и особенно его преемники, и расположил богословские предметы в систематическом порядке. Он намного расширил богословский курс, присоединив к нему, в качестве вводной части, герменевтику и священную библиологию[16]. Обновленные философская и богословская системы Конисского, по которым учился Василий Садковский, намного превосходили системы, бытовавшие в академии прежде. Все то

качественно новое и новаторское, что внес Конисский в саму сущность преподаваемых им предметов, естественным образом отражалось на нравственном и интеллектуальном развитии студентов. Очищенные от языческих мудрований Аристотеля и сильного католического налета, философия и богословие изложенные Конисским формировали у воспитанников более широкое, живое и сугубо православное мировоззрение.

В 1753 году в академии было введено преподавание французского языка. Первым профессором был Константин Крижановский, говоривший на французском языке как на своем отечественном. Его аудитория была всегда полна молодых людей, видевших в изучении этого языка большую пользу[17].

Вероятно, именно в результате занятий у Крижановского, владыка Виктор (Садковский) и овладел французским, о чем свидетельствует наличие в его библиотеке более трехсот французских книг.

Чтобы лучше представить себе уровень образования в тогдашней академии, необходимо упомянуть и о некоторых других предметах, изучавшихся в высших классах. Кроме собственно философии в философском классе студентами изучались: гражданская и военная архитектура, механика, гидростатика, тригонометрия сферическая, начало астрономии, математическая география, гидрография, гномоника и математическая хронология[18]. Кроме того, студенты старших классов в свободное время обыкновенно занимались музыкой, пением и живописью. Знакомства с этими искусствами и занятия ими способствовали образованию и развитию в воспитанниках эстетического вкуса[19]. Так выглядело образование в

Киевской академии в то время, когда в ней учился Василий Садковский.

Именно здесь, в светлой академической среде, и было положено начало тем близким сердечным отношениям между Конисским и Садковским, которые связывали этих двух замечательных церковных деятелей впоследствии.

20 августа 1755 года ректор Киево-Могилянской академии, архимандрит Георгий (Конисский), был посвящен во епископа Белорусского и вскоре покинул Киев, выехав на свою кафедру в Могилев[20].

Белорусская епархия в то время пребывала в крайне бедственном положении. Пользуясь государственной поддержкой, греко-католики не переставали отнимать православные храмы и церковные имения. Они запрещали строить новые церкви и возобновлять обветшалые, так что, по словам Конисского, церкви были «сараем паче и хлевникам скотским подобны, а не храмам христианским»[21].

Православным не разрешалось иметь школы и семинарии. Среди православного населения, в том числе и привилегированного, царили нищета и невежество. В Белорусской епархии катастрофически не хватало священников, и тем более образованных. Зачастую православные пастыри были едва грамотными и с трудом подписывали свое имя, в большинстве своем не знали даже числа заповедей Божиих и Таинств Церкви, не говоря уже о членах Символа веры и законе Божием. Поэтому, прежде всего новый владыка обратил внимание на подготовку духовных кадров. Решая эту проблему Преосвященный Георгий в 1758 году организовал при Спасском монастыре для подготовки кандидатов во священство низшие

школьные классы, а с 1759 года — семинарию[22].

В помощь себе в организации учебного процесса святитель Георгий вызвал из Киева своего академического воспитанника Василия Садковского, который стал одним из первых преподавателей во вновь устроенной школе и ближайшим помощником Могилевского владыки.

Если считать дату рождения Василия — 1741 год — за верную, то можно предположить, что Садковский не успел пройти полный академический курс. Организовывавшиеся в то время в России духовные школы и иные учебные заведения остро нуждались в подготовленных преподавательских кадрах. Взоры русских архиереев и устроителей учебных заведений естественно устремлялись к Киевской академии, этому могучему рассаднику просвещения и культуры. Авторитет ее был столь велик, что нередко воспитанники старших классов еще до окончания полного академического курса, приглашались на преподавательские и административные вакансии. Принимая эти предложения и выезжая на места, естественно, они уже не могли завершать своего образования в стенах Alma mater.

Сведения, сохранившиеся о периоде жизни Василия Садковского в Могилеве, так же как и сведения о его детстве и времени учебы, крайне скудны. Несомненно, что весь период пребывания своего в Могилеве Садковский был близок к Преосвященному Георгию, который высоко ценил своего киевского воспитанника и во многом ему доверял. Вероятно, Василий Семенович был личным секретарем Конисского. По временам он сопровождал владыку в его поездках — в частности, в Варшаву — и часто официальная переписка Преосвященного велась его рукой[23].

Близость к Преосвященному делала его информированным во многих вопросах местной церковной жизни. Он воочию знал о всех бедствиях и проблемах православных, разделяя вместе со всеми горечь скорбей и унижений, приносимых католиками и униатами.

Католические верхи сильно раздражала деятельность святителя Георгия. Особенно возмутило их появление православной семинарии, само уже только существование которой, по их мнению, было противозаконным[24]. В 1760 году студенты иезуитской семинарии, по наущению ксендза Зеновича, вооруженные ружьями, саблями, камнями и дубинками напали на архиерейский дом и семинарию[25]. Они учинили там яростный разгром, оскорбляя и нанося побои всем, кто попадался им под руку. Несколько православных воспитанников получили серьезные ранения, одному из них жестоко изрубили руку[26], а сам владыка Георгий вынужден был спасаться в подвалах архиерейского дома[27]. «От сего случая, — докладывал в Святейший Синод Преосвященный Георгий, — священство епархии моей и граждане здешние детей своих до семинарии давать опасаются, почему и число учеников не великое до сих пор приходится»[28].

Однако разрушить начатое святителем дело строительства образования не удалось. Семинария была восстановлена, и учебный процесс в ней продолжался, в немалой степени благодаря и трудам Василия Семеновича Садковского.

В ряду многих обязанностей, возложенных владыкой Георгием на Садковского, была и обязанность кафедрального проповедника[29]. 15 ноября 1746 года, «префект и профессор Могилевской семинарии» Василий Семенович Садковский за

торжественным богослужением в могилевской братской церкви, произносил проповедь в честь коронации короля Речи Посполитой Станислава Августа[30].

Когда именно принял монашеский постриг и был возведен в священный сан Василий Семенович, сведений никаких не сохранилось, однако, уже в первой половине 1768 года он известен как иеромонах Виктор. В то время он именовался «наместником кафедры могилевской» и являлся членом могилевской консистории[31]. Будучи кафедральным наместником и одновременно оставаясь префектом семинарии, иеромонах Виктор по поручению Преосвященного занимался кадровыми вопросами. Он рассматривал дела и готовил представления о рукоположении кандидатов в священные степени. Должность кафедрального наместника, предполагавшая особенно близкое общение с архиереем, еще более укрепила установившиеся прежде близкие и доверительные отношения между отцом Виктором и Преосвященным Георгием. Так что последний нередко давал своему наместнику поручения не только официального, но и сугубо личного характера[32].

Семнадцать лет пробыл Садковский «при боку епископа Могилевского». Именно здесь, в Могилеве, под руководством Преосвященного Георгия, он приобрел то глубокое понимание нужд и потребностей православных Речи Посполитой и ту многостороннюю церковно-административную опытность, которые так необходимы были ему в его будущем служении архипастыря, к которому готовил его Господь.

18 августа 1774 года иеромонах Виктор (Садковский) был назначен игуменом Мстиславского Тупичевского монастыря, однако должность эту он занимал совсем непродолжи-

тельное время.

Около 1774 года в Святейшем Синоде возникло дело по обвинению капеллана Российского посольства в Варшаве, иеромонаха-грека Дорофея (Возмуйлова) в неподобающей сану и положению жизни.

Расследование по этому вопросу было поручено Синодом Преосвященному Георгию, под надзором которого находилась православная церковь в Варшаве. Конисский в свою очередь поручил расследование игумену Виктору (Садковскому), которого сам хорошо знал и для которого, к тому же, и Варшава не была незнакомой. Получив должные наставления от владыки, игумен Виктор 28 декабря 1774 года уехал в Варшаву. Произведенное расследование подтвердило обвинения в адрес иеромонаха Дорофея, так что он был отстранен Синодом от занимаемой должности[33].

На место Дорофея был назначен сам игумен Виктор. Немедленно завершив свои дела в Тупичевском монастыре, он переехал в польскую столицу[34]. Варшавская капеллания в материальном отношении не представляла собой заманчивого места. При сравнительной дороговизне столичной жизни, содержание, отпускавшееся на Православную церковь и причт в Варшаве, было невелико. Православные в Варшаве не имели даже для себя постоянной церкви и вынуждены были совершать богослужения в наемных помещениях.

Соблазнительная атмосфера польской столицы, очень опасная для многих, не имела дурного влияния на отца Виктора. В Варшаве он не сделался и «добрым польским шляхтичем», чего видимо многие там ожидали. Отзывы об игумене Викторе (Садковском) Преосвященного Георгия, русского

посла графа Штакельберга[35] и других представителей российского посольства в Варшаве были самыми положительными и доброжелательными. О нем говорили как о человеке всегда беспорочном, благонравном, честном и благоразумном. Посольский капеллан заслужил «всеобщее одобрение и похвалу», разносившуюся из Варшавы во многие уголки Речи Посполитой. Имя его было не безызвестным и в Петербурге. Еще в 1775 году там было опубликовано его слово на новый год — о добрых намерениях[36].

Верный заветам своего учителя, игумен Виктор никогда не забывал, что он является единственным представителем православной иерархии во враждебной православию польской столице. Многие из приезжавших в Варшаву по самым различным делам ходатаи и депутаты от православного населения Украины и Белоруссии находили у него и приют, и добрый совет[37]. Садковский и сам живо интересовался положением православия в Речи Посполитой. В письмах к своим знакомым он просил извещать его «о наиболее выдающихся случаях преследования православных» обещая передавать эти факты Преосвященному Георгию, который уведомлял о таковых случаях знатных российских вельмож, а когда было необходимо и Святейший Синод[38]. Дело в том, что по вечному миру с Польшей 1686 года Россия имела право заступаться за православных в Речи Посполитой. Последние в условиях постоянных притеснений и гонений неоднократно просили ее заступничества, о чем русское правительство не раз делало специальные представления, не приносившие, впрочем, особых результатов. На протяжении уже нескольких веков в Речи Посполитой, религиозные свободы традиционно попирались,

и вместо межконфессиональной терпимости культивировалась дискриминация по вероисповедному признаку.

В сентябре 1779 года православное украинское духовенство, вследствие своего совершенного разорения не имело средств послать в Варшаву из своей среды уполномоченных искать правосудия у правительства. Поэтому мемориал о своем бедственном, беззащитном положении со всеми необходимыми документами отправило по почте на имя варшавского капеллана. Игумен Виктор представил полученные им документы на тогдашний сейм королю и членам его Постоянного Совета и самым энергичным образом ходатайствовал о восстановлении попранных прав своих единоверных собратий[39]. Но благоприятный для православных исход какого-либо дела в Варшаве был практически невозможен. Зная это, игумен Виктор советовал им в серьезных вопросах действовать через Петербург, где находился и великий ходатай — Могилевский святитель Георгий. В делах же менее важных и более частного характера Садковский нередко сам оказывал обращавшимся к нему православным деятельную помощь, так что имя его приобрело широкую известность не только у тех, кто имел случай встретиться с ним лично в Варшаве, но и далеко за ее пределами.

За все девятилетнее пребывание в Варшаве игумен Виктор оставался верным «послушником» своего многоуважаемого наставника Преосвященного Георгия. Все это время между Конисским и Садковским сохранялась тесная духовная связь. Живая переписка заменяла им устное общение и обмен мыслями. Во всех трудных и важнейших делах игумен Виктор неизменно обращался за советом и инструкциями к своему

мудрому руководителю.

Не оставлял Могилевский владыка без внимания и поощрения смиренных трудов своего питомца. По его ходатайству, рекомендациям графа Штакельберга и резидента посольства, барона И.Ф. Аша[40], Садковский 2 августа 1783 года был награжден Синодом архимандричьим наперсным крестом — наградой по тем временам весьма почтенной и редкой[41].

Награда эта была для игумена Виктора своего рода предзнаменованием. Вслед за архимандричьим крестом его ждало и само место архимандрита.

В 1783 году 2 сентября, скончался Слуцкий архимандрит Павел (Волчанский)[42]. После присоединения к России Могилева в 1772 году по первому разделу Речи Посполитой, Слуцкая архимандрия составляла самую высшую ступень православной иерархии в этом государстве и имела почти все принадлежности архиерейской кафедры. Слуцкий архимандрит при богослужении употреблял жезл, дикирий, трикирий и рипиды; совершал каждение архиерейским чином; и во время «Херувимской песни» не выходил вместе со всеми священнослужителями на солею, а принимал Святые Дары, стоя в царских вратах, как это делают архиереи. Именуясь наместником Киевского митрополита, архимандрит по собственному усмотрению мог посвящать в своей архимандрии кандидатов в низшие церковные степени и имел право управления священнослужителями и суда над ними.

На Слуцкую архимандрию выдвинулись сразу несколько претендентов — игумены: Дятловичский, Мелетий (Бувайло) и Брестский, Спиридон (Гриневецкий). Однако, рекомендация Преосвященного Георгия (Конисского), состоявшего

с 1783 года членом Святейшего Синода[43] и считавшего, что «место сие архимандрическое, могущее и долженствующее помогать церквам нашим, тамо угнетаемым, требует не инаго архимандрита, как такого, каков есть Садковский»[44], имело решающее значение.

В октябре 1783 года игумен Виктор был назначен «на заграничную в Польше Слуцкую троицкую архимандрию»[45]. Назначение это для него было, с одной стороны, желанным, а с другой, по-человечески, несколько пугало своей большой ответственностью и хлопотностью. Садковский прекрасно понимал, что за внешней привлекательностью положения, в Слуцке его ожидают массы трудностей и проблем. «Слышу, что все там в непорядке и разрушении», — писал он в письме одному из своих знакомых[46].

Синодальный указ о своем назначении, с приказанием ехать в Киев для посвящения в архимандриты Садковский получил в самом начале 1784 года. Выехав в феврале из Варшавы, он направился в Слуцк, для представления слуцкому владельцу, виленскому воеводе князю Карлу Радзивиллу, и получения от него так называемой «презенты», формально необходимой кандидату в Слуцкие архимандриты.

В Киев Садковский приехал только весной. 19 мая, в день Св. Троицы, Киевский митрополит Самуил (Мисловский)[47] в Софийском кафедральном соборе посвятил игумена Виктора в архимандрита[48]. «О, какое тяжелое для поднятия возложено на меня ярмо! — Говорил в своей речи новопоставленный архимандрит. — Я назначен в тот край, где православные чувствуют себя между иноверцами зачастую так, как овца между волками, голубь между ястребами, младенец

между змеями»[49].

Архимандрит Виктор ясно сознавал, с какими трудностями и ответственностью сопряжено предстоящее служение. Он даже писал, извещая Преосвященного Георгия о своем посвящении: «Призывая Бога во свидетельство моей искренности, скажу вам, что высшее управление архимандрией меня не радует»[50]. Однако Садковский не отказался от нового назначения, хотя, несомненно, и имел такую возможность. Со смирением принял он возложенное Церковью на него новое послушание.

Задержанный церковным начальством на некоторое время в Киеве, Садковский не сидел, сложа руки. Уже там он начал активную деятельность, связанную с заботой о Слуцкой архимандрии, проявив себя мудрым стратегом в делах церковно-административных. В Киеве он набирал монахов для обезлюдевших монастырей своей архимандрии, готовил проект учреждения при Слуцком женском монастыре женского училища и заведения в Слуцке церковных школ для мальчиков, а также собирал пожертвования на постройку главной каменной церкви Свято-Троицкого монастыря, вместе с тем, начиная входить и в текущие дела архимандрии[51].

Снабженный всевозможными инструкциями, «архимандрии и митрополии Киевской наместник», или «коадъютор»[52] Виктор (Садковский), к зиме прибыл в Слуцк. С первых же дней он энергично занялся устроением монастырской жизни архимандрии и учреждением церковных школ. К соседним Преосвященным он посылал сразу по несколько монахов для рукоположения. По его поручению, еще в середине декабря, консисторией были разосланы по архимандрии универсалы, с

предписанием духовенству непременно доставить своих детей в открываемые школы, снабдив их одеждой и продовольствием. И уже вскоре архимандрит Виктор дал распоряжение немедленно приступить к учению всем — как «знакомым уже с начатками латинского и польского языка», так и начинающим еще только учиться[53].

В начале 1785 года между Петербургом и Варшавой было достигнуто соглашение о восстановлении в пределах Речи Посполитой православной епископской кафедры. Отсутствие законного иерарха было большим ущербом в церковной жизни православного населения Речи Посполитой. Святейший Синод и российское правительство уже давно думали об учреждении там православной кафедры, но выжидали для этого лишь подходящего момента. В 1783 году Петербург согласился на восстановление в Белоруссии, отошедшей в 1772 году к России, особой униатской архиепископской кафедры в Полоцке, что являлось уступкой варшавскому правительству и папе. Однако взамен этой уступке петербургский двор потребовал от правительства Речи Посполитой согласия на открытие в ней необходимой для православных архиерейской кафедры[54].

Как на достойного кандидата на эту кафедру Киевский митрополит Самуил (Миславский) и Могилевский архиепископ Георгий (Конисский) указали на Слуцкого архимандрита Виктора (Садковского)[55]. 27 марта 1785 года Святейшему Синоду последовал Высочайший именной указ императрицы Екатерины II: «Для пользы Православной нашей Церкви греко-российской и для удобнейшего охранения исповедающих закон наш благочестивый в Польше всемилостивейше пове-

леваем: быть особому епископу викарному или коадъютору киевской митрополии, именоваться сему епископу Переяславским и Борисопольским, иметь пребывание свое в Слуцком благочестивом монастыре, которого быть ему и архимандритом; в сей сан посвятить в Киеве нынешнего архимандрита Слуцкого монастыря Виктора»[56].

Поздравляя Садковского с новым высоким назначением, владыка Георгий давал в письме отеческие наставления и упреждал об имеющихся среди «слуцких обывателей» недоброжелателях[57].

Отец Виктор был настолько взволнован вестью сообщенной ему «Высокопреосвященнейшим отцем и благодетелем», что слезы сами катились из его глаз. «Отчего бы это? — Писал он в своем благодарственном письме преосвященному Георгию. — От радости? или от страха? Скорее всего, что от того и другого вместе; от радости — когда приходило на мысль неизвестному Виктору, что он почтен столь высокой милостью ее величества; от страха — как я перенесу это бремя?.. Но, когда подумаю некоторое время и вспомню ваши слова, сказанные мне в Варшаве: "Если Бог человека посылает, на какое правление, то дает ему силу и разум", — тогда страх отходит и на его место водворяется радость. Благодарю горячо Провидение, благодарю ее императорское величество, благодарю вас, как источник моего счастья, и прошу не оставлять меня своими молитвами и наставлениями, которые я буду принимать, как послушнейший сын»[58].

4 июня архимандрит Виктор (Садковский) был наречен во епископа, а через пять дней, 9 июня в день сошествия Св. Духа в Софийском кафедральном соборе, где ровно год на-

зад, игумен Виктор посвящался в архимандрита, совершилась его епископская хиротония. В торжественном богослужении и хиротонии участвовали пять архиереев: митрополиты Самуил Киевский и Серафим Лакедемонский, архиепископ Реондашский Никодим, епископ Новгород-Северский и Глуховский Илларион и бывший викарный Севский епископ Кирилл[59].

Это были действительно торжественные минуты. Все чувствовали необычайность совершавшегося события — и на Преосвященного Виктора смотрели, как на избранного воина Христова. Митрополит Самуил, вручая новопосвященному епископу посох, в трогательной речи, после обычных напоминаний о высоте и трудности епископского служения, говорил: «Устроил Бог тебя, по неизреченной Своей благости, сосудом избранным пронести имя Его вне пределов нашего отечества, между сущими в иных верах. Не убойся убо, ниже пецыся, како или что возглаголеши. Положи на сердце твоем не прежде поучатися отвещавати: Сам Дух Святый, в огненных языках ныне явившийся, даст тебе и уста, и премудрость, ей же не возмогут противитися или отвещати все противляющиеся истине. — Удостоил Бог тебя быть светильником в той стране, где слабые лучи или некоторые искры перваго апостольскаго учения остались. Буди убо светильником не только светящим, но и горящим. Потщися, да возблистает твоим попечением свет истиннаго евангельскаго учения в полном своем сиянии, да просветится и твой свет тако пред человеки, яко да видят добрая дела твоя и прославят Отца нашего, Иже на небесех; да возгорится и твой дух таковою же ревностию, каковою воспламенен был некогда апостол Павел, изрекший тако: “Молилбыхся бо сам аз отлучен быти от Христа по бра-

тии моей…” Гряди с миром в путь Господень, в оньже тебя призва; теки небоязненно на предлежащий тебе подвиг; достигни конца судеб Божиих, тако о церкви Своей и о тебе устроивших; возвести и прослави имя Его посреди паствы, тебе вверенной…»[60].

Вскоре владыку Виктора в Киеве встретила и другая радостная и утешительная новость. Высочайшим указом от 15 мая повелевалось «учредить для пользы Церкви нашей Православной и просвещения исповедающих закон наш в Польше семинарию при коадъюторе киевской митрополии», с ежегодным содержанием 2000 рублей[61].

Указ этот был крайне своевременен и необходим, так как во всей обширной епархии Преосвященного Виктора не было до того времени ни одного учебного заведения, специально готовившего образованных и просвещенных пастырей, в которых была самая настоятельная потребность.

Светлое и радостное настроение владыки Виктора отразилось в его благодарственных письмах, которые он спешил отправить своим знакомым, покровителям и благодетелям. С глубоким чувством он приносил «искреннейшее всеподданнейшее благодарение той, которую православный народ, страждущий под польским владычеством, считает единственною после Бога своей защитой; помощью и утехой». Еще более сильной теплотой и искренностью дышали его письма к святителю Георгию: «Признаюсь, что епископское достоинство дано мне без всяких моих заслуг сверх моего ожидания. Я был бы не прав, если бы не признал, что вы — первая причина возложенной на меня чести. Не сомневаюсь, что вы постарались в этом деле столько, сколько ваша душа горит сочувствием

к единоисповедникам и нетерпеливым желанием подать всем руку помощи. Чем могу вас я отблагодарить? Ничем. Но вы ничего и не требуете. До конца дней моих не перестану молить Бога, чтобы все устроял Он всегда по желанию сердца вашего»[62].

Действительно, сама мысль, поданная Екатерине II об учреждении в Речи Посполитой православной епархии и наставления епископу Виктору об образе деятельности, принадлежали Преосвященному Георгию (Конисскому)[63].

Не смотря на свое желание поскорее «полететь в Слуцк», владыка Виктор вынужден был еще на значительное время задержаться в Киеве. Ему необходимо было решить множество самых разнообразных вопросов, связанных с новым назначением. Требовалось выделить из консисторий киевской, могилевской и переяславской дела своей новоучрежденной епархии, которые сосредотачивались там ранее. В связи с данными ему Синодом указаниями об управлении паствой во враждебном православию государстве, сложными и запутанными взаимоотношениями с католиками и униатами, владыке Виктору необходимо было запастись копиями документов, указов и грамот, защищающих права Православной Церкви в Речи Посполитой. Нужно было принять от митрополита ризницу, найти достойного настоятеля в Виленский монастырь, подыскивать опытных чиновников в консисторию, снова набирать монахов и священнослужителей, собирать деньги на восстановление разоренных монастырей и многое, многое другое[64]. Нельзя было медлить и с открытием семинарии. В Киеве владыка озаботился приискать для нее учителей. Попросив содействия митрополита Самуила, он обратился с просьбой в

Киевскую академию. Владыке Виктору были рекомендованы два воспитанника — Пантелеимон Илликевич-Корбут и Федор Дурдуковский, изъявившие согласие занять учительские должности в Слуцкой семинарии. Снабдив их инструкциями и указаниями относительно открытия классов, Преосвященный отправил их вместе со своим обозом в Слуцк. Духовным же правлениям, входившим в состав его епархии, он предписал, собрать из детей священнослужителей учеников в открываемую семинарию[65].

Будучи еще архимандритом, владыка успел ознакомиться только с частью православных церквей, группировавшихся около Слуцка, тогда как южная часть его епархии — самая обширная, энергичная и живая, — была ему менее знакома. Поэтому Преосвященный Виктор, выехав в середине ноября из Киева[66], отправляясь не в Слуцк, а в казацкую Украину, чтобы обозреть там православные монастыри и церкви[67]. Именно там было множество назревших вопросов, требовавших скорейшего разрешения.

В пятидесяти верстах от Киева в местечке Фастове его встретили иноки украинских монастырей с приглашением посетить их обители для хиротонии в священные степени некоторых из своих собратий[68]. Владыка принял приглашение и в течение нескольких недель посетил монастыри: Терехтемировский, Корсунский, Виноградский, Жаботинский, Мотренинский, Чигиринский, оба Лебединских и Богуславский. В каждом из монастырей он совершал богослужения, рукополагал представляемых кандидатов и давал наставления священнослужителям относительно надлежащего исполнения ими своих пастырских обязанностей. Особое внимание владыка

уделял вопросу защиты прав православных.

Еще в Киеве, буквально сразу после епископской хиротонии владыке Виктору пришлось погрузиться в целое море дел о притеснениях православных на Украине, скопившихся ранее у митрополита и теперь переданных ему. В то время как в северных пределах епархии Преосвященного Виктора католичество вывесило победный флаг, и остававшиеся православные приходы были крайне немногочисленны — здесь, на Украине, продолжалась упорная и неустанная борьба. Преосвященный учил жалующихся, как лучше вести дела; где мог сам ходатайствовал перед помещиками; собирал справки и давал ход жалобам[69].

7 августа 1785 года императрицей Екатериной был дан Преосвященному Виктору рескрипт, в котором ему повелевалось написать к пастве окружное послание с увещеванием сохранять кроткое миролюбие и терпение в отношении к иноверцам, т.е. католиками и униатами[70]. Святейший Синод со своей стороны давал аналогичные указания. Он предписывал Преосвященному Виктору в разборе дел о притеснениях действовать строго в соответствии с гражданскими законами; стараться с кротостью внушать духовенству жить в мире с «римлянами» и униатами; оставить вражду, раздоры, и всем стараться, сколько возможно, «яко сограждане, жить миролюбиво, дабы чрез то всяк при свободном исповедании своего закона наслаждался общим спокойствием»[71]. Именно в таком духе и старался действовать владыка, а своим пасомым советовал: «Когда будете впредь писать о притеснениях, пишите правдиво и точно — и главное подробно. Но, ради Бога, удерживайтесь от каких бы то ни было обидных поступков в отно-

шении к униатам»[72]. Общий смысл всех инструкций сводился к тому, чтобы с первого шага действий Преосвященного Виктора «всякие недоразумения были отвращены и неспокойные влияния в крае успокоены»[73].

При осмотре украинских монастырей Садковский нашел крайнюю бедность и следы разорений, произведенных униатскими официалами[74] — Мокрицким в 1766-1768 и Примовичем в 1778-1779 годах[75]. Здесь же на Украине владыка столкнулся и с таким неблагоприятным и весьма распространенным явлением, как бродяжничество монахов. Бродяжные иноки самовольно переходили из монастыря в монастырь: жили летом по лесам в землянках и на пасеках, а зимой селились по хуторам и селам среди мирян и не желали признавать над собой никакой духовной власти. Относительно таковых монахов Преосвященный отдал строгий приказ настоятелю Мотренинского монастыря архимандриту Иринарху и уполномочил его лишать их иноческого звания, обращая в помещичьих крестьян, если они не захотят водвориться в монастырях и не станут подчиняться монастырским уставам. Тому же архимандриту владыка поручил и блюстительство за всеми украинскими монастырями и протопопиями[76].

1 декабря Преосвященный Виктор прибыл в местечко Смелу Киевской губернии. Здесь ему пришлось разбирать жалобу, поданную Смилянским духовенством на своего протопопа Иоанна Радзимовского, обвиняемого в содействии католическим и униатским властям в собирании с православных некоторых налогов, отмененных еще в 1768 году.

Оставляя Украину, владыка Виктор через Мотренинского архимандрита Иринарха передал всем православным ук-

раинцам свой архипастырский наказ свято хранить православие, не входить ни в какие препирательства с католическим и униатским духовенством, светскими властями и не давать никакого повода к вражде и несогласию с ними, быть верными подданными короля и Речи Посполитой. Наказ архипастыря оказался не бесплодным; с конца 1785 года по 1789 год на Украине утихли всякого рода волнения[77].

14 декабря владыка Виктор прибыл в Слуцк. Первым делом, он немедленно обнародовал грамоту, с оповещением о своем назначении и увещевательным словом к пастве, составленную еще в Киеве при содействии митрополита Самуила и известного киевского проповедника протоиерея Иоанна Леванды[78]. «Всем известно, — говорилось в грамоте, — сила всеобщей любви и прощения и сила неприязни и злобы. Неприязнь рождает неприязнь и одно подозрение тянет за собою нескончаемую их вереницу; а спокойное обхождение убивает неприязнь в самом ея зародыше. Не так быстро охлаждается раскаленное железо, будучи опущено в воду, как человек распаленный гневом, если попадает на душу всепрощающую и долготерпящую. Тяжело терпеть без вины и не противиться неправде, приобретающей силу. Но если это терпение приносит истинный покой, если оно волка обращает в агнца: неужели тогда это бремя не сладко, не легко? Всякий видит, с какою заботой Спаситель всевает в наши души любовь и мир, как источник счастья человеческаго. Не ждите другого евангелия. Утвердите мир в сердцах ваших; впитывайте в ваши сердца милость и мир — и этим оружием воюйте с хотящими угнетать вас. И пусть пример Спасителя всегда у всех будет перед глазами»[79].

Вскоре по приезду Преосвященного была открыта Слуцкая консистория[80]. Однако набранные в нее чиновники были еще мало знакомы с делопроизводством и владыке Виктору, и так не пользовавшемуся крепким здоровьем и часто страдавшему болезнью глаз, помимо массы других дел приходилось заниматься и утомительной канцелярской работой. Руководя своими малоопытными чиновниками, он сам очень часто составлял наиболее важные бумаги[81].

Постепенно епархиальная жизнь стала принимать все более организованный характер. Рукополагались на приходы священники, замещались вакантные начальнические должности в монастырях[82], шли хлопоты о починке обветшалых церквей, об исправлении убогой церковной ризницы. Всюду, по возможности, водворялись канцелярские порядки, был начат сбор требуемых Святейшим Синодом сведений о монастырях и церквях. Много усилий и времени требовалось для того, чтобы разобраться в потянувшейся веренице дел о притеснениях от униатов[83]. Преосвященному приходилось, по возможности, устранять и нежелательные явления в среде духовенства[84], которые, к сожалению, имели место и были нередки. Его обширная разрозненная паства, «в вольности беспорядочно живущая», 70 лет не имевшая архиерея, гонимая, униженная, забитая и неустроенная, лишенная должного духовного просвещения, несла на себе отпечаток нравственного оскудения, грубости и упадка церковной дисциплины. Так что сами пастыри в большинстве своем мало, чем отличались от своих пасомых.

Призывавший к миролюбию, долготерпению и кротости в отношении к притеснителям, владыка Виктор по необходи-

мости бывал весьма строг и непреклонен к своим пасомым, но это бывало в тех случаях, когда проявлялось явное нерадение, вредившее общему делу или, когда компрометировалось и порочилось само имя православного, а тем более людьми духовного звания[85].

Немало хлопот доставляла и борьба с различными затруднениями «открывавшимися преимущественно по новости православного епископа в Слуцке»[86]. Учреждая епископскую кафедру в Речи Посполитой, Святейший Синод старался сделать это событие как можно менее ярким и неброским в глазах враждебно настроенного к православию элемента. С внешней стороны дело представлялось так, будто Слуцкий архимандрит получил всего лишь повышение в чине. Однако эта «неслыханная новость» вызвала в среде униатов и католиков сначала тревогу, а затем и целую бурю возмущения.

Еще когда только стало известно в Речи Посполитой об учреждении православной кафедры, католико-униатская партия предприняла попытки не допустить утверждения православного епископа, причем безучастным не остался и сам Рим. Папский нунций Салюццо и униатский митрополит Иассон (Смогоржевский), с единомышленниками, епископами и базилианскими архимандритами, подали королю прошение воспрепятствовать назначению в Речь Посполитую православного епископа, — потому как это назначение не имеет для себя никаких юридических оснований и притом небезопасное для господствующей религии и государства, грозит уничтожению унии. «Если предшественник этого епископа, живший за границей, — восклицал нунций, — оторвал от унии в православие 1200 церквей, то, что же будет теперь, когда православный

епископ сядет в крае!»[87] Но все эти обращения ни к чему не привели, и королю Станиславу Августу пришлось уступить России. Рескриптом от 27 июня 1785 года король утвердил назначение Виктора (Садковского) епископом в Речь Посполитую[88].

В среде католических и униатских иерархов в это время о Преосвященном Викторе стали распространяться самые разнообразные слухи. Его личность приобретала в их глазах таинственный и устрашающий образ. Появилось даже какое-то каббалистическое гадание на вопрос: «Снесет ли Садковский унию?»[89]. Униаты старались повсюду окружить его соглядатаями, жадно собирая любую информацию о нем. Так постепенно бывший скромный варшавский капеллан, превратился для них в какого-то неведомого и пугающего гиганта, о котором рассказывали и принимали на веру разные небылицы. Не сумев воспрепятствовать назначению православного епископа, противоборствующая католическая партия решила действовать в другом направлении. В начале 1786 года граф Штакельберг пригласил владыку Виктора приехать в Варшаву, чтобы представить его правительству Речи Посполитой и, прежде всего, получить королевский привилей на исполнение своих архипастырских обязанностей[90]. Ревнители унии задумали воспользоваться этим обстоятельством и включить в документ такие условия, которые бы ограничивали Садковского в его архипастырской деятельности и мешали распространению православия. В привилей намеревались включить пункты, по которым от православного епископа требовалось: признать господствующей католическую веру; признавать православными только древнеправославных; отказаться от

всех отступивших от унии и даже заставлять их возвращаться в господствующую в Речи Посполитой веру; подвергнуть запрещению безместных православных священников; закрыть часовни; не принимать заграничных духовных лиц и т.д. Во главе всех этих пунктов полагалось условие, чтобы Садковский все дела вел от имени короля, т.е. был его подданным. Однако привилей, который католики так силились отстранить или, по крайней мере, обставить невероятными условиями, был уже давно написан, подписан королем и хранился у подканцлера Иоакима Хребтовича. В нем не было ничего похожего на предполагавшиеся требования. Король писал в нем, что по ходатайству своих сановников он пожелал устранить неудобства его православных подданных, оставшихся после раздела Речи Посполитой без епископа. Потому он назначает представленного ему из местных архимандритов достойного кандидата — Виктора, которому в силу трактатов 1768 и 1775 годов предоставляет право на управление православными, внушая ему соблюдать мир в отношении господствующей веры, верность королю и Речи Посполитой[91].

Выезжая в конце июня в Варшаву владыка Виктор распорядился через консисторию отпустить учеников Слуцкой семинарии на каникулы, а священно-церковнослужителей «Слуцкой и других состоящих в Литве протопопий» обязать, чтобы они своих детей, как учившихся уже в семинарии, так и способных по возрасту «к начаткам латинского учения», непременно выслали к 1 сентября в семинарию[92].

В Варшаве ожидали, что русский православный архиерей явится в польскую столицу с большой свитой и пышностью, но владыка Виктор приехал туда очень скромно и еще скром-

нее разместился в ней. Однако в получении королевского привилея произошла существенная заминка. Еще до приезда Садковского, подканцлер Великого Княжества Литовского И. Хребтович уехал в свое имение Белосток, увезя с собой, якобы по ошибке королевский привилей[93]. Это был хитрый дипломатический шаг. Хребтович, с одной стороны, желал воспрепятствовать назначению православного епископа, затягивая по возможности время, а с другой стороны, уклониться от какой бы то ни было ответственности. Все думали, что Хребтович вскоре вернется, но он не приезжал и не давал надежды возвратиться раньше осени — к сейму. Потянулись долгие дни ожиданий.

Униатский епископ Стефан (Левинский), зорко следивший за Преосвященным Виктором, писал своему патрону, униатскому митрополиту Иассону (Смогоржевскому): «В ожидании подканцлера, Виктор занимается посещением своих греков и старых друзей. Ни у кого из знатных, кроме (русского) посла, он не был, потому, как он сам говорит, что, не имея в руках привилегий, он тем самым лишен права представляться лицам высшего круга»[94]. Преосвященный действительно много времени уделял своим старым варшавским знакомым, навещая их, отдавал дань теплому дружескому общению. Не раз бывал он в гостях и у Левинского, в общении с которым выказывал свое мирное расположение к униатам, успокаивая этим взбудораженное воображение последних. «Он очень скромен, — писал Левинский, — и если бы его речи, которые он предо мною не раз повторял, были правдивы, то можно было бы ожидать по нему, что и спокойствие соблюдет, и доброе согласие поддержит. Словом, не следовало бы так бояться

Виктора, если он будет поступать так, как говорит»[95].

Конечно же, посещением знакомых не ограничивалась деятельность Преосвященного Виктора в польской столице. Посредством оживленной переписки он энергично управлял делами своей епархии. Им также было предпринято ходатайство в Святейший Синод об устроении в Варшаве постоянной церкви для православных[96]. Сюда не раз были пересылаемые ему через Киевского митрополита Самуила жалобы православных на притеснения от униатов. Но, как и прежде в Варшаве мало чего можно было добиться, и вся работа владыки сводилась к представлениям послу сообщений о притеснениях, да к бесплодным ходатайствам о скорейшем назначении комиссии для разбора жалоб на вероисповедные притеснения, — назначении, давно уже определенном по трактату России с Речью Посполитой, но так и не осуществлявшимся[97].

Будучи человеком бесхитростным владыка Виктор ничего не подозревал о тех интригах, которые велись вокруг него униатами. Меж тем католико-униатская партия уже задумывала дотянуть его дело до сейма, где могла бы поднять против назначения в Речь Посполитую православного епископа депутатов, в большинстве своем настроенных против всего русского и православного[98].

В начале августа Преосвященному была дана аудиенция к королю, которая, кончилась ничем. После не имевшего значения разговора, король лишь объявил Садковскому, что он при получении привилея, должен будет принести присягу на верность королю и Речи Посполитой[99]. Тем временем до Штакельберга дошли сведения, что униаты задумали внести изменения в королевский привилей. Русский посол высказал

свое возмущение королю и стал настойчиво добиваться скорейшей выдачи документа. Только после этого привилей был затребован двором от Хребтовича и 12 сентября доставлен в Варшаву. Вопреки всем ожиданиям униатов привилей был передан королем русскому послу для вручения его епископу Виктору не только без всяких изменений, но и без присяги, которая должна была предшествовать этому. Король удовлетворился обещанием посла написать своему двору, чтобы Садковскому дозволили принести присягу и чтобы «строжайшим образом, приказано было», соблюдать в делах своего управления «всякое спокойствие и умеренность»[100]. Таким образом, все усилия связать православного епископа невыгодными условиями и присягой были сведены к нолю.

Сильно измученный и нравственно, и физически приключившейся болезнью глаз, Преосвященный Виктор 8 октября выехал из Варшавы[101]. Покидая польскую столицу, он сожалел о даром потерянном времени. «Не много же я сделал в Варшаве; жаль, что приезжал», — писал он Преосвященному Георгию, подводя итог своей поездки.

Согласно указаниям Святейшего Синода владыка Виктор должен был воспользоваться поездкой в Варшаву для ревизии окраины своей епархии. По пути в польскую столицу он осмотрел Брестский, два Драгичинских и Яблочинский монастыри, но «не нашел в них ничего, кроме руин». Домой он поехал иным путем и, побывав в Бельске и Заблудове и, убедившись, что и там «нет никакого порядка», в конце октября прибыл в Слуцк[102].

Теперь Преосвященному предстояла поездка в Киев. Туда, к началу нового 1787 года, ожидали русскую императ-

рицу. Еще из Варшавы Садковский писал митрополиту Самуилу, что Киев не выходит у него из головы и что он поспешит туда, как только возвратится домой. В Киеве он надеялся разрешить те затруднения, которые никак не удавалось решить в польской столице.

В Киев владыка Виктор приехал 19 декабря, более чем за месяц до приезда Екатерины. Ему необходимо было обсудить некоторые вопросы с митрополитом Самуилом и должным образом подготовиться к приезду ее Высочества.

29 января, в окружении блестящей свиты под не умолкающий грохот орудий и звон колоколов русская императрица прибыла в Киев. Встречать Екатерину съехались многочисленная польская и местная знать, а так же множество иностранцев. Сюда же ожидали и приезда короля Станислава Августа. Польша и Россия встречались в этом месте уже не в первый раз, но впервые с таким очевидным и бесспорным превосходством последней. Преосвященному Виктору этот момент казался чрезвычайно благоприятным для разрешения давнего, мучительно-болезненного вопроса положения православных в Речи Посполитой.

Болезнь митрополита Самуила, приковавшая его к постели, предоставила владыке Виктору, как заместителю последнего, видное место в приеме императрицы. Преосвященный Виктор в сопровождении митрополитов Грузинского и Лакедемонского, проживавших в Киеве, в окружении многочисленного духовенства, встречал императрицу с крестом при ее въезде в город, у Свято-Троицких ворот Киево-Печерской Лавры и, несмотря на сильный мороз, по укоренившейся традиции, сказал краткую приветственную речь.

На следующий день, утром, он, как глава киевского духовенства, был представлен Екатерине II. В тот же день Преосвященный был приглашен к высочайшему обеду и занимал место за столом по правую руку от императрицы. 31 января он опять имел случай видеться с Екатериной, встретив ее в Софийском соборе, куда она приехала поклониться святыням. Из собора императрица зашла навестить больного митрополита, а затем в митрополичьей домовой церкви отстояла литургию, которую совершил все тот же Преосвященный Виктор[103]. Однако, несмотря на такую приближенность Преосвященного к «Ее Высочеству» решения волновавшего его вопроса пока не предвиделось.

Все ждали встречи Екатерины с польским королем, которая должна была состояться по решению сторон не в Киеве, а в приднепровском местечке Каневе. Туда государыня прибыла со своей свитой 25 апреля. В тот же день король был приглашен к ней на обед, а вечером угощал у себя ужином российских вельмож.

Вопреки всем ожиданиям, эта встреча не имела никаких существенных результатов. Обе стороны, заинтересованные свиданием двух монархов, остались недовольны. Преосвященный Виктор был разочарован также как и после поездки в Варшаву. Он и здесь ничего не добился для своего дела, а меж тем, был связан обязательством принести присягу. Присутствовавший на встрече Екатерины со Станиславом Августом граф Штакельберг известил Преосвященного Виктора о соизволении императрицы на принесение им присяги королю, назначенное Станиславом на 4 мая в местечке Тульчине, куда тот предполагал заехать по пути в Варшаву[104].

Так польской стороне не удалось на фоне Каневской встречи устроить из присяги Преосвященного Виктора унизительного для русской стороны акта. Екатерина, еще раз демонстрируя очевидное превосходство Российской державы перед Речью Посполитой, не удостоила польского короля должным вниманием.

Опечаленный неудачами король и измученный ожиданиями владыка Виктор съехались в Тульчине. Там 7 мая православный архиерей Виктор (Садковский) принес присягу на верность польскому королю и Речи Посполитой[105], но совершенно не такую, какую надеялась услышать польская сторона. В ней практически не было дано никаких религиозных обязательств[106]. Сам текст присяги, составленный одним из лучших российских дипломатов, графом А.А. Безбородко[107], просмотренный Киевским митрополитом и самим Преосвященным Виктором, — с редакционной стороны был безупречен и обходил все, что могло быть оскорбительным для отходившего в чужое подданство русского архиерея[108]. Во время принесения присяги, Преосвященный Виктор сказал замечательную речь, в которой, защищая свое задетое патриотическое чувство, тонко напоминал о шаткости политического положения Речи Посполитой и слабости самого короля: «Едва могу выразить, сколь счастлив, став членом тела, которому ты, государь, служишь главой: все, что бы ни случилось со мною, будет чувствовать и мой неусыпный в своем попечении государь. Пусть я буду ногой, пусть буду стопой, пусть даже пальцем ноги, но все, что бы ни потерпел тот член, отзовется болезненно и в священной главе. Тебе, государь, не безызвестно, а мне не место много говорить — о том, в каком положении находится

здесь вера наша и после недавно заключенных договоров... На твой справедливый суд отдаю, сколь это должно беспокоить всякого тем более епископа... И как, счастливым себя почитаю и радуюсь, нисколько не сомневаясь, что ты будешь защищать меня, как члена своего тела»[109].

Глава 2
Архипастырские труды

С принесением присяги на верноподданство Речи Посполитой, владыка Виктор, оставаясь архиереем Русской Православной Церкви и русским подданным, теперь фактически имел законное право на исполнение своих архипастырских обязанностей в пределах чужого государства. Из Тульчина он вернулся в Киев. Вступив, наконец, во все свои права, он намеревался объехать свою епархию. Но отправляться в дорогу в июне, июле, — в самую страдную пору, — было не вполне удобно. Нужно было переждать лето. Ехать на месяц в Слуцк, а потом снова возвращаться в Киев, на Украину, не имело смысла. К тому же управлять из Киева Украинской частью епархии было гораздо удобнее, нежели из Слуцка и владыка Виктор, поэтому до времени остался в Киеве[1].

Здесь он вновь занялся работой по выделению из киевской консистории дел, относящихся к приходам его епархии, которую не успел окончить в 1785 году[2]. Он разыскивал подлинные документы на православные монастыри, лишившиеся своих имений, а также на монастыри, отобранные униатами, бывшие прежде православными[3]. Здесь в Киеве Садковский снова подыскивал «людей» для своей епархии[4], хлопотал о получении денег из «кошельковой суммы» на починку своих монастырей[5], занимался приемом и отправкой в Слуцк церковных вещей[6], выданных ему по распоряжению императрицы

из упраздненных монастырей Киевской епархии. Не оставлял владыка и текущих епархиальных дел, его распоряжения поступали в места не только близ лежащей Украины, но и далекого пинского Полесья[7].

С окончанием страдной поры, Преосвященный стал собираться в предположенное путешествие. 1 сентября он переправился против Переяславля, через Днепр в пределы Речи Посполитой. Первое что он увидел, вступив на землю польской Украины было жалкое зрелище разоренного православного Терехтемировского монастыря. Несколько лет в нем уже размещалась польская таможня. Все монастырские строения были заняты польскими чиновниками, а изгнанный бывший настоятель монастыря, верный своей обители, ютился неподалеку, с одним монахом и одним послушником, живя «под горою, в пещере». Бегло осмотрев затем монастыри: Ржыщевский, Корсунский, Мошногорский, Медведовский, Мотренинский, Жаботинский, Ирденский и Лебеденские, владыка Виктор заболел горячкой и слег на целый месяц в постель в местечке Ольшаной[8]. Немного оправившись, он перебрался в Богуславский монастырь, но снова серьезно занемог и уже слег на несколько месяцев[9]. Сначала к нему вернулась горячка, потом появилась болезнь ног, так что он даже не мог передвигаться без посторонней помощи, а после всего этого, не вполне оправившись от прежних недугов, он заболел глазами — сначала одним, потом и обоими. Летом владыка несколько поздоровел и, все еще слабый, переехал в Жаботинский Онуфриевский монастырь, где оставался до середины сентября.

Тем не менее, непредвиденная задержка в монастырях

позволила Преосвященному более углубленно и внимательно ознакомиться с делами окружающей местности, которые он старался по мере сил приводить в порядок. В марте 1788 года владыка писал с Украины: «Болезнь задержала меня, а то, может быть, я бы приехал в Слуцк к Рождеству, но тогда остались бы для меня скрытыми те предательские воровства и мошенничества, которые теперь открылись. Бог знает, что делает, и я теперь вижу, что мое здесь пребывание для злочинцев — великий бич, а людям добрым, невинно страждущим — облегчение и оживление»[10].

Кроме мучительной болезни это путешествие доставило владыке Виктору не мало и нравственных страданий. Тяжело было архипастырю видеть отсутствие всякого порядка и расстройство и в этой, лучшей и надежнейшей части епархии. Все те непорядки и нравственный упадок в среде православного духовенства, которые он замечал и прежде, теперь обнажились пред ним во всей своей неприглядности. Действительно в среде белого духовенства нередко можно было встретить следы изворотливости, притворства и самоуправства, что, впрочем, было скорее результатом тех исторических условий, в которых православным долгое время приходилось бороться за свое выживание, нежели плодом сознательных злоумышлений.

Не в лучшем свете открылась Преосвященному и деятельность так называемых духовных правлений. Владыка обнаружил в них немало злоупотреблений со стороны управляющих ими протопопов. «Православное сего края священство, — писал он, — быв в одном почти протопопов наблюдении, пришло в такое неустройство, что поправление оного

требовало моего здесь немаловременного бытия»[11].

Неутешительной была картина и в монашеской среде. В чигиринских, черкасских и смелянских лесах обитала огромная масса бродяжных монахов. Держа при себе женщин, они производили в народе большой соблазн. Среди этих «лесных монахов» было много людей пришлых, подозрительных и не благонадежных. Также массы монахов и монахинь из Валахии, беспорядочно бродили по Украине, собирая милостыню. Своим поведением они вызывали осуждение среди православного населения, но, имея при себе рекомендательные листы от валахских господарей, они не подчинялись распоряжениям местного духовного начальства. Владыка прекрасно понимал, какой вред несут эти «монахи», подавая своим образом жизни лишь повод для упреков, нареканий и ненужных подозрений в адрес православных со стороны их врагов. Еще в апреле он просил в письме к князю Понятовскому «предписать всем управляющим его имениями, чтобы они ловили бродяжных монахов и, если монастыри не приймут их, то чтобы снимали с них монашескую одежду, брили им бороды, стригли им волосы и обращали в холопство. Не нужно при этом бояться какихлибо неприятных последствий; я прошу об этом, как пастырь, как обыватель страны, уже уполномоченный на исполнение своих обязанностей привилегиею пресветлейшаго короля, милостивейшаго нашего государя. Нужно еще и то иметь в виду, что между бродячими монахами больше всего бывает иноземцев из Валахии и других стран; могут под иноческою одеждою скрываться гайдамаки, а этот сброд как можно строже нужно преследовать»[12].

Продолжительная болезнь совершенно изменила пер-

воначальные планы Преосвященного, и он вернулся в Слуцк лишь в начале октября 1788 года. Утомленного годичным путешествием и не совсем еще оправившегося от тяжелого недуга владыку Виктора здесь в Слуцке, где, казалось, можно было бы немного перевести дух, встретило чрезвычайно неприятное дело. Консисторский секретарь Сухозанет, определенный в свое время по настойчивому ходатайству самого же владыки на эту должность и награжденный чином[13], оказался уличенным в самоуправстве, дерзости и других дурных поступках, чем доставил Преосвященному немалое огорчение[14].

Несмотря на многие трудности, деятельность Преосвященного Виктора, все же приносила свои реальные плоды. Православие в его епархии начало оживляться и возрастать. Число православных священников заметно увеличивалось и те приходы, которые, давно не имея своих пастырей, казались уже замершими, оживлялись. Пробуждалось стремление к возврату в православие и среди тех приходов, которые, вследствие совращения своих православных священников, считались уже принадлежащими унии. Благодаря деятельности Садковского в Киевском и Брацлавском воеводствах, в православие перешло 193 униатских прихода[15]. Бывшие безлюдные монастыри наполнялись монахами, вызываемыми из соседних епархий[16]. Отстраивались новые храмы вместо разрушившихся или погоревших. Старые церкви и монастыри чинились и запасались добротной утварью. При назначении владыки Виктора в епархию, православных церквей в Речи Посполитой насчитывалось менее сотни, а теперь их число приближалось к тремстам. Предпринимались меры против бродяжничества иноков, а монастырская жизнь приобретала

более стройный и организованный характер. Слуцк делался достойным местом пребывания архиерея. В нем все выше и выше поднимался купол отстраивающегося кафедрального собора[17]. Священнослужащие с архиереем священники, были облечены в золотые и серебряные ризы — дар императрицы. Торжественно пел за богослужением архиерейский хор[18]. «Гучно» гудели привезенные из Киева колокола[19].

Не забывал владыка вдов и сирот умерших священнослужителей, которые, при обычае народа избирать себе священников, часто оставались без всякой помощи. Он покровительствовал обычаю пристраивать дочерей умерших священников, выдачей их замуж за кандидатов, ищущих священническое место. Кроме того, заботился о заведении училищ для образования сыновей священнослужителей, чтобы этим спасти их от закрепощения и приготовить к поступлению в Слуцкую семинарию[20].

По благословению Преосвященного Виктора Смилянский протопоп Лука Романовский открыл в самом начале 1788 года в местечке Ольшаной духовное училище. Владыка, находившийся в это время в Богуславском монастыре, сделал распоряжение заготовить для него в Киеве учебные книги. Для училища была составлена особая программа, утверждая которую, владыка Виктор прибавил новый параграф, касающийся благовоспитанности учеников и приучения их соблюдению правил — «как иметь обращение между собой и в публиках»: как сидеть за столом, как держать ложку, вилку, нож и т.п. Оповещая украинское духовенство об открытии Ольшанского училища, Преосвященный предписал им заводить в каждой протопопии подобные школы, или же доставлять своих

детей в Ольшану[21].

Однако такое оживление и подъем православия в стране, где отношение к нему со стороны официальных католических верхов было откровенно враждебным, естественно возбуждало у сторонников последнего сильную тревогу. Деятельность Преосвященного Виктора, какой бы миролюбивой и доброжелательной по отношению к католикам и униатам она не была, не могла не вызывать в их среде крайней неприязни и раздражения. Православие всегда было для Речи Посполитой объектом тревог, ненависти, беспокойства и самых отчаянных подозрений. И теперь, когда политическое состояние внутри и во вне государства было шатким и неспокойным, православие представлялось полякам мрачной угрожающей силой[22].

Политические события последних двух лет сильно тревожили правительство Речи Посполитой. Путешествие императрицы Екатерины к самой границе польских владений вызвало слух, что к России скоро отойдет вся Украина, как отошла к ней уже часть Белоруссии. Опасения эти усилились еще больше с началом в 1787 году войны России с Турцией.

Для сокращения пути к театру военных действий Россия проводила свои войска через территорию Речи Посполитой и провозила для действующей армии всевозможные припасы. Для прокормления своей армии русское правительство закупало провиант в Речи Посполитой, устраивало здесь свои склады, оставляя для их охраны специальные отряды. В результате весь юго-восток Речи Посполитой был наполнен русскими солдатами, погонщиками, купцами, которые вступали в те или иные отношения с местным населением[23]. С давних пор в Речь Посполитую приходило множество выход-

цев из России с чисто коммерческими целями, занимающихся мелочной торговлей. Торговцы эти назывались здесь маркитантами[24] и пилипонами. Однако теперь наплыв на Украину русских маркитантов, вращавшихся среди народа и униатского духовенства, усиливающиеся слухи о сговоре короля с императрицей вызвали у правящих кругов Речи Посполитой тревожные подозрения, о якобы готовящемся там народном восстании[25]. Правительство, проводившее прокатолическую конфессиональную политику, естественно усматривало для себя великую опасность в наличии в государстве православно-русского элемента. Взбудораженное воображение рисовало мрачные картины народного заговора и кровавой резни. И хотя на Украине ничего подобного не происходило, шляхта и магнаты упорно возбуждали в своем сознании призрачную химеру народного бунта и повсюду нагнетали истерию страха.

С самого возвращения Преосвященного Виктора в Слуцк над ним стали сгущаться тучи. В среде польской знати не могли поверить, чтобы русский православный епископ не был орудием русского правительства в подготовке воображаемого ими бунта[26]. Поездке Преосвященного Виктора по Украине приписывали намерение «сделать бунт и вырезать всех католиков». Измышляли будто бы он во время ее «всем своим монахам и попам приказал присягать на верность императрице российской, а попы от черни взяли присягу и на истребление ляхов, т.е. шляхетства»[27]. Живущие по лесам и бродячие монахи, бывшие объектом недовольства и самого Преосвященного Виктора, превратились теперь в глазах правительства в его сообщников, сеющих в народе зловещие плевелы бунта. Рас-

пространился слух, что задержали несколько десятков «пилипонских повозок», провозивших бочки, наполненные ножами. Ножи эти странной формы будто бы снабжены страшными зубцами и крючьями для причинения ужасных страданий. В Варшаве образцы этих ножей вырезали из бумаги и рассылали по всему городу. При виде их «дамы падали в обморок, мужчины же искали утешение в венгерском»[28].

6 октября 1788 года в Варшаве открылся обычный сейм, переименованный вскоре в чрезвычайный или конфедератский, именуемый так же в истории «четырехлетним»[29]. На сейме был объявлен разрыв с Россией; назначена особая военная комиссия для расследования и подавления подготавливаемого бунта; во все города и селения Речи Посполитой были посланы строгие приказы разыскивать «русских бунтовщиков» и устроенные ими склады оружия. Главное внимание сейма было обращено на Переяславского епископа Виктора (Садковского)[30].

Как только Преосвященный Виктор вернулся в Слуцк, за ним было установлено постоянное наблюдение. Власти намеревались арестовать его и искали к тому удобного случая или повода. Не раз ему было рекомендовано, ввиду имеющихся о нем слухах, написать оправдательное письмо к Радзивиллу, или выехать в Варшаву для объяснения. Но владыка Виктор, будучи чист душой, не считал нужным оправдывать себя в том, что не имело никаких оснований, а когда представители слуцких верхов явились к нему с поздравлениями в первый день Пасхи, он сделал им выговор за возводимую на него клевету[31].

Однако, как ни старался Преосвященный Виктор,

сколько можно более осторожно действовать с позиции принесенной им ранее присяги, в церковной жизни его епархии, тем не менее, происходили события, которые только усиливали подозрения правительства о воображаемой им «русской» угрозе. С началом войны России со Швецией (1788 г.) по распоряжению Святейшего Синода в церквях епархии Преосвященного Виктора был распространен манифест с призывом возносить за богослужением молитвы об успехе русского оружия. Естественно, антироссийская партия придала этому политическую окраску и не замедлила забить тревогу. У правительства Екатерины II возникли трения с Варшавой, но дело кое-как было улажено. В конце декабря владыка Виктор получил из Синода указ о совершении молебнов по случаю взятия русскими войсками Очакова. Еще ранее Синод прислал указы о совершении литургии и молебна в связи с рождением в России Великой княжны. Теперь же власти обратили внимание на то, что по всем церквям Преосвященный Виктор разослал присланные из Синода «сокращенные катехизисы», в которых находилась священническая присяга на верноподданство русской императрице[32].

Варшавский сейм, крайне озабоченный «опасной» деятельностью Садковского, поручил князю Радзивиллу, владельцу Слуцка, собрать подробные сведения о подготовке восстания в этом городе, как главном месте пребывания русского архиерея. Не смотря на то, что слуцкий комендант Поппиний доносил в Варшаву, что «никакого подозрения на епископа и духовенство не имеет», Радзивилл приказал провести новое расследование. Тогда капитан надворных радзивилловских войск Дружаловский предоставил сейму лживый

рапорт о якобы действительно имеющихся фактах подготовки народного выступления. 21 апреля 1789 года сейм определил арестовать Переяславского епископа Виктора (Садковского) и доставить его для объяснений в Варшаву. Однако в действительности приказ об аресте Преосвященного Виктора тайно был уже дан намного раньше и сам арест его произошел за несколько дней до официального постановления сейма[33].

17 апреля в Слуцк прибыл генерал-адъютант радзивилловских войск Мацкевич, с тайным поручением арестовать православного архиерея. Через несколько часов после приезда он имел встречу с Преосвященным Виктором, во время которой допытывался, не согласится ли он ехать в Варшаву, если кто будет ему рекомендовать. На это владыка ответил: «Разве бы Святейший Синод или российский посланник велели бы, а так нет»[34]. Не решившись производить арест Преосвященного в кафедре, считавшейся по закону неприкосновенной, Мацкевич удалился.

Владыка Виктор не придал значения случившемуся разговору и в тот же день, ввиду недомогания, выехал для отдыха в Грозовский монастырь, находившийся в 30 верстах от Слуцка. Узнав об этом, Мацкевич немедленно отправил за ним вслед отряд из конных и пеших солдат с приказом арестовать Слуцкого епископа. Однако владыка успел въехать в Грозовскую обитель, оказавшись, таким образом, в безопасности. На следующий день в монастырь приехал, обеспокоенный за владыку, кафедральный наместник игумен Киприан (Островский). Уведомленный об угрозе нависшей над Преосвященным он советовал ему оставаться в Грозовском монастыре, откуда можно было бы управлять и делами епархии, но

владыка не веря, что кто-то осмелится на его арест, в тот же день решил возвратиться в кафедру.

По дороге в Слуцк, в верстах четырех от Грозова, Преосвященный и его небольшая свита внезапно были окружены выступившим из засады вооруженным отрядом. Позволив проехать еще некоторое расстояние, военные, недалеко от села Баславцев, куда собралось десятка полтора шляхтичей, и было согнано множество вооруженных «цепами, косами и дубинами» крестьян, завернули экипажи Преосвященного во двор загородного домика одного шляхтича. Задержанных пригласили в дом и там владыке дали понять, что он арестован. «Таковым насильством Преосвященный будучи огорчен, крепко заплакал, а смотря на него, и мы все начали неутешно плакать, и некоторые из шляхтичей, особенно хозяйка дому довольно слезила, и в то время познали, что у Преосвященного воля отнята», — вспоминал впоследствии свидетель описываемых событий игумен Киприан[35]. Все сопровождавшие владыку Виктора были свободны, однако отец Киприан, дворецкий Алексей Чернявский и канцелярист Павел Барышевский по просьбе владыки добровольно согласились остаться с ним в эту трудную минуту.

К вечеру следующего дня арестованных привезли в Несвиж. Горожане, уведомленные о прибытии к ним православного епископа и, не веря слухам о его аресте, во множестве вышли на улицы встречать его с почтением.

Иначе встречала Преосвященного княгиня Радзивилл, вдова Иеронима Радзивилла. Она выехала версты за две от города в сопровождении кавалькады молодых господ. Некоторые из них дерзко бранили и осыпали насмешками архи-

ерея. Но, не смотря на то, владыка Виктор вышел из кареты приветствовать княгиню и благодарил ее за оказанное ему внимание[36]. В Несвиже плененных доставили в радзивилловский замок, где под караулом они были оставлены дожидаться дальнейших о них распоряжений.

Еще на пути в Несвиж Преосвященный отправил в Слуцк своего дворецкого, чтобы тот доставил арестованным одежду, белье, деньги необходимые на дорогу; и как думал владыка, что в Варшаве ему нужно будет давать письменные объяснения, велел приехать вместе с ним и консисторскому писарю священнику Стефану Скуловскому. Через несколько дней указанные лица, а также архиерейский келейник Лука Копыстенский прибыли в Несвиж и вместе с остальными были заключены под арест в замке[37].

Через три дня после ареста Преосвященного люди Мацкевича забрали с кафедры весь его архив для представления в Варшаву[38].

Во время пребывания владыки Виктора в Несвиже власти принудили его написать окружное послание к православному духовенству и народу с призывом возносить молитвы о здоровье короля, о благоденствии Речи Посполитой и благополучном окончании сейма. В послании народ призывался быть верным королю и помещикам, не злоумышлять и не бунтовать против них, как власти Богом поставленной. В нем говорилось, что никто из духовенства, под страхом вечного осуждения, не смеет возбуждать народ против государства и своих владельцев, или побуждать кого к «некоей присяге». Все духовенство и светские лица должны быть верны никому другому, как только Речи Посполитой, королю и шляхте.

Послание было подписано Преосвященным Виктором 25 апреля и разослано через консисторию по всем церквям, с предписанием читать его перед народом, где только представится случай[39].

В Несвиже заключенные пробыли около двух недель и в начале мая были потребованы в Варшаву. Каждого из арестованных везли в отдельной повозке, а епископа в карете с особым военным конвоем. Перед отъездом из Несвижа владыка Виктор просил Мацкевича освободить из-под ареста и отпустить в Слуцк игумена, дворецкого и писца Барышевского, как лиц добровольно согласившихся сопровождать его. Мацкевич сначала пообещал исполнить эту просьбу, на три дня оставил их в Несвиже, но потом передумал и отправил их следом за владыкой.

14 мая под усиленной охраной, при огромном стечении народа, уведомленного о прибытии арестованного православного епископа, заключенных привезли в Варшаву. От Праги — варшавского предместья, до центра Варшавы, где находился дом военной комиссии, на улицах и площадях было такое скопление народа и такая давка, что кортеж арестованных едва мог продвигаться среди собравшейся толпы. От тесноты и давки некоторые из зрителей падали под ноги лошадей конвоя и под колеса экипажей. Окна и крыши домов были полны любопытствующими. Варшавская публика встречала арестованных криками: «бестии, москали, резуны, схизматики». В адрес заключенных летели ругательства и плевки, а у некоторых в руках были наготове даже камни, но они не решались бросать их из опасения поранить кого-либо из многочисленного конвоя. Во дворе военной комиссии арестован-

ных ожидало множество столичных жителей во главе с князем Сапегой. Неистовые крики раздались и здесь, особенно когда из кареты выводили Преосвященного Виктора, а когда подъехала коляска с игуменом Киприаном, разъяренная толпа с криком бросилась на игумена, рвала его за волосы и бороду, ударами повалила на землю. Только благодаря защите генерал-адъютанта, всем корпусом навалившегося на лежащего игумена, тот был спасен от неминуемой насильственной смерти. Взбудораженная толпа еще долго не расходилась с того места, где были заключены арестованные, и впоследствии не единожды собиралась там, требуя их казни[40]. Владыка Виктор со своим наместником игуменом Киприаном, разделенные лишь стенкой, были помещены в «красинском дворце», а остальные арестованные в «цейхгаузе»[41].

После ареста владыки Виктора и конфискации епархиального архива, на кафедре снова были проведены обыски — «нет ли каких орудий, приуготовленных к бунту, чего везде, даже и в церкви искали». Тоже было проделано «и по другим монастырям, как то: в Грозовских, в Виленском и в Минском»[42]. В минских монастырях обыски проводились настолько строго, «что даже и самые мертвых вскрываемы были гробы»[43].

Правительством был предпринят ряд и других мер к предотвращению предполагаемого «бунта». От православного духовенства было потребовано принесение присяги на верность королю и Речи Посполитой, а также взято обязательство, впредь не поминать за богослужением «заграничных государей и князей». Причину требования присяги объясняли тем, что «как-де прежде сего была в Польше резанина единственно

по поводу монахов и попов; то дабы и ныне того же не последовало»[44]. Учрежденные правительством специальные команды разъезжали по разным местам и приводили к присяге не только духовенство, но и народ, причем нередко обставляя сам обряд присяги возмутительнейшими особенностями[45]. Особой изощренностью в приведении народа к присяге, возмущавшей даже «польские» суды, и неистовостью преследований православных отличился в это время поручик радзивилловских войск и управляющий грозовскими имениями — Викентий Моравский. Вследствие «жестоких своих поступков, коих само человечество ужасаться должно» Моравский сделался настоящим бичом для православных всей округи[46].

После взятия под стражу Преосвященного Виктора начались аресты духовенства. Об этом владыка впоследствии писал в Синод: «Как моея консистории канцелярские служители, так духовные и светские паствы моей греческие неуниатские исповедники по разным местам и судам были в аресте содержаны и некоторые из них в кандалы долговременно закованы были»[47]. Военные команды очищали пасеки, хутора и леса от проживающих там «подозрительных» монахов и бродяг. Все кто из них был пойман попадали за тюремные стены. Массы простого люда, множество «маркитантов, пилипонов, ни в чем неповинных» находились в заключении и томились в крепостях. «Много тогда казнено было из простонародья» и «очень многих тогда повесили попусту»[48].

Воспользовавшись тем, что Россия была занята войной с Турцией и затем начатой ею в 1788 году войной со Швецией, правительство Речи Посполитой, обуреваемое антирусскими настроениями, решило покончить с влиянием России в

государстве. Для изгнания «русского духа» и было поднято это яростное гонение[49]. Однако, Речь Посполитая уже находилась на грани политической катастрофы. Убедившись, что вековые усилия уничтожить в государстве православие насилием не приводят ни к чему, и что победить его, глубоко укоренившееся в сознании народа, невозможно, заседавший в Варшаве сейм пошел на уступки. К осени преследования повсюду были прекращены.

Когда Преосвященный Виктор был взят под арест, во все концы немедленно полетели донесения об этом чрезвычайном событии. Узнав о случившемся архиепископ Георгий (Конисский) и митрополит Самуил немедленно донесли о том в Святейший Синод. В известность была поставлена коллегия иностранных дел. Императрица, узнав еще ранее о происшедшем от Штакельберга, распорядилась принять меры в защиту Православной Церкви[50]. Дело, таким образом, вступило на дипломатический путь.

Около месяца узники содержались «под крепким караулом» в здании военной комиссии в отдельных камерах с железными решетками на окнах, стекла которых наполовину были закрашены зеленой краской. Военный караул из солдат был расставлен повсюду внутри камер, снаружи при дверях, на крыльце и перед окнами на улице. Кроме того, у владыки Виктора неотступно сидел капитан, а у игумена Киприана унтер-офицер. К заключенным не допускали никого, даже самого короля, если бы он захотел их видеть. Только в первый день заключения их в Варшаве арестованных осмотрел литовский гетман Тышкевич, а через две недели маршал Малаховский с сеймовыми депутатами. Арестованным не давали ни писем,

ни книг, ни газет, им запрещено было петь даже церковные песнопения, дабы не дать возможности переговариваться. Это последнее обстоятельство особенно тяготило Преосвященного Виктора, так как он, по словам игумена Киприана, «имея голос и охоту, делал себе пением некоторую отраду», а в других тем поддерживал бодрость духа[51].

Через две недели томительного одиночного заключения начались строгие допросы в особых заседаниях следственной комиссии о замышляемом «восстании». Владыку водили на допросы несколько раз. Его допрашивал Луцкий католический епископ в присутствии сеймовых маршалов и депутатов. В конце июня после допросов узники были переведены из дома военной комиссии по другим казармам и тюрьмам. Владыку перевели в военные казармы на краю Варшавы. Туда же были помещены арестованные позже — слуцкий протопоп Иоанн, игумен Медведовского монастыря Виссарион, священнический сын Иван Бочковский и униат Андрей Бондарь. Игумен же Киприан, священники Симонович, Облонский и другие были переведены в военный арсенал, где и находились около двух лет до 22 мая 1791 года. Здесь они были размещены на чердаке в отдельных маленьких, темных и душных камерах, отделявшихся узким и грязным коридором, с забитыми окнами. К каждой камере приставлен был часовой с заряженным ружьем, которому настрого было приказано не разговаривать с арестантом и не подпускать его к себе близко из опасения нападения. Пища здесь была хуже чем в доме военной комиссии. Некоторые из заключенных были даже закованы в кандалы и цепи. Строгость заключения, недостаток движения и свежего воздуха, отсутствие особых отхожих мест, духота и

жара летом от накаленной черепичной кровли, холод зимой, худое питание, недостаток одежды, полное одиночество и опасение за свое будущее причиняли арестованным самые тяжкие физические и нравственные страдания. Все они до того ослабели, что когда, после трехмесячного заключения в арсенале, велено было выводить их на воздух, то они с трудом могли двигаться. Некоторые из заключенных настолько пали духом, что для поддержания их бодрости коменданты арсенала вынуждены были идти на некоторые послабления и переменить суровое обращение на более милостивое.

Положение Преосвященного Виктора было еще более неприятным. Власти, считавшие его главным виновником затеваемых смут, относились к нему строже и суровее. Владыка Виктор не имел при себе никаких денег, и игумен Киприан, имевший в них некоторый достаток и даже в заключении выигравший в разыгрываемую в Варшаве лотерею 720 рублей серебром, время от времени помогал Преосвященному и своим товарищам то одеждой, то продуктами, то деньгами[52]. Главная печаль их заключалась в том, что они долгое время были лишены возможности совершать церковные службы, особенно же в большие праздники. Осенью 1789 года игумен Киприан от лица всех заключенных обращался по этому поводу с просьбой о выделении им какого-либо помещения для отправления церковных служб, но просьба эта осталась неудовлетворенной. В начале января 1790 года к Преосвященному Виктору несколько раз все же был допущен иеромонах из русского посольства для совершения «всенощной» и литургии. «Преосвященный хотя на глаза слаб, однако пел сам ирмосы и плакал», — писал архиепископу Георгию, со

слов сослужащего владыке иеромонаха, посольский капеллан игумен Гавриил[53].

Следственная комиссия, назначенная для расследования дела о бунтах в марте 1790 года, закончила свою работу и передала все материалы сейму. Хотя никаких доказательств вины подозреваемых лиц найдено не было, епископ Виктор (Садковский) все же признавался виновным в государственном преступлении, а значит подлежащим суду[54]. Вместе с тем все более становились очевидными нелепость и безосновательность распространенного слуха о «народном бунте». Ввиду этого сеймовые маршалки сочли нужным успокоить население и в апреле того же года издали универсал, приглашавший всех принести благодарение Богу за избавление Речи Посполитой от угрожавшей опасности, а православным обещавший свободу их веры и лучшее устройство управления их церковными делами. С последней целью в июле 1791 года и состоялась известная Пинская конгрегация из православных духовных и светских лиц, которая должна была начать осуществление предложенного сеймом проекта автокефалии Православной Церкви в Речи Посполитой. Согласно проекту управление православными церквями должно было быть оторвано от Российского Святейшего Синода и передано новоучрежденной православной иерархии, подчиняющейся Константинопольскому Патриархату[55]. Во время этой политики заигрывания сейма с православным населением Речи Посполитой для привлечения его на свою сторону, жизнь заключенных в варшавских тюрьмах стали понемногу облегчать. Уже к лету 1790 года владыке Виктору было позволено приглашать к себе в большие праздники капеллана и причт посольской церкви для

совершения богослужений, хотя и под строгим присмотром.

В мае 1791 года в самый разгар объявления новой конституции и подготовки Пинской конгрегации все заключенные были переведены в новые с более приличными условиями места содержания. Единственным, на кого не распространялась такая перемена, был Преосвященный Виктор. Он оставался в своем томительном заключении в ожидании той или иной развязки и развязка эта наступила спустя год.

Мечты реформаторов вернуть Речи Посполитой былую мощь, а так же учредить независимую церковную иерархию для православных рассыпались, как «карточный домик». 3 августа 1790 года Россия заключила мир со Швецией, а 29 декабря 1791 года в Яссах было подписано мирное соглашение с побежденной Турцией[56]. Теперь Россия могла направить свои военные силы в пределы Речи Посполитой, откуда было сделано и наговорено в ее адрес «много дурного, дерзкого и несправедливого»[57].

Начавшееся в конце 80-х годов движение против России возглавила небольшая, но сильная партия польских магнатов: Игнатия Потоцкого, Станислава Малаховского, Гуго Коллонтая и др. Именно эта партия, так называемых «патриотов» и взяла верх на «четырехлетнем» сейме, задав ему антирусскую настроенность. Опасаясь мести России, партия «патриотов» решила организовать «сильное» правительство. Воспользовавшись разъездом большинства послов на Пасху, она провела на сейме par acclamation конституцию 3 мая 1791 года, преобразующую политическое и социальное устройство Речи Посполитой[58]. Конституция призвана была обуздать шляхетскую анархию и создать прочный государственный

порядок, который бы модернизировал пришедшее в упадок государство и охранил его от притязаний со стороны сильных соседей. При всей своей новизне, кажущейся свободе и гуманности, новая конституция оказалась весьма тенденциозной и не решала многих проблем назревших в обществе. В вопросах религии она отстаивала позиции католической церкви, по-прежнему не допускавшей широкой свободы совести и стеснявшей права диссидентов[59].

В противовес поборникам новой конституции образовалась партия сторонников сохранения основ монархического правления и стремившаяся к миру с Россией. Во главе ее стояли Феликс Потоцкий, Северин Ржевуский, Ксаверий Браницкий и др. В марте 1792 года магнаты Потоцкий и Ржевуский встречались в Петербурге с императрицей Екатериной и просили ее о военной поддержке. Было решено, что недовольные конституцией магнаты составят конфедерацию, а императрица пошлет свои войска в Речь Посполитую. Получив полномочие составить конфедерацию, Потоцкий и Ржевуский уехали в Подолию. 18 мая 1792 года русский посланник в Варшаве Яков Иванович Булгаков вручил правительству Речи Посполитой декларацию, в которой на конституцию 3 мая 1791 года указывалось как на повод к разрыву между Речью Посполитой и соседними государствами. В день вручения декларации, русские войска под начальством генерал-аншефа Михаила Васильевича Каховского четырьмя колоннами вошли из Бессарабии в пределы Речи Посполитой. Шедшие с русскими войсками поляки того же 18 мая остановились в местечке Тарговице и здесь основали конфедерацию, главой которой был избран Феликс Потоцкий. Не подчинявшиеся конфедерации

были объявлены врагами отечества. Сейм, создавший конституцию 3 мая, был объявлен насильственным и незаконным, и сам акт составления конституции назван заговором. В универсале, обращенном к народу, излагались благодеяния, которые должны произойти от Тарговицкой конфедерации, имеющей целью защитить старый, самобытный государственный порядок в Речи Посполитой и поддержать шляхетские вольности, уничтоженные конституцией 3 мая. Второй универсал оправдывал вступление в пределы Речи Посполитой русского войска, с успехами которого на первых порах связывалась судьба Тарговицкой конфедерации. При конфедерации был уполномоченный от императрицы, генерал барон Карл Яковлевич Бюлер. Конфедераты благодарили Екатерину II за помощь, оказанную им[60].

К лету 1792 года русские войска фактически владели Украиной, ими была занята значительная часть Киевского, Подольского, Виленского и Минского воеводств. Защитники майской конституции выставили свое войско, но оно отступило перед русской армией, направлявшейся к польской столице. В виду надвигавшейся угрозы варшавский сейм поспешил покончить дело с арестованными представителями Православной Церкви. 29 мая сеймовый суд вынес окончательный приговор по их делу. Часть заключенных признавалась невиновными и отпускалась на свободу. Другие были признаны причастными к замышляемому «бунту», но в виду перенесенного трехлетнего заключения, освобождались под поручительство. Была и третья категория лиц, которых суд признал главными заговорщиками, достойными полного осуждения, но оставлял окончательное решение их участи до более мирного времени.

Этими лицами были епископ Виктор (Садковский), игумен Виссарион, священник Стефан Симонович и архиерейский дворецкий Алексей Чернявский[61].

12 июня Преосвященного Виктора и игумена Виссариона перевезли из Варшавы в Ченстоховскую крепость, где они провели более месяца в «смраднейших затворах» едва не лишившись там жизни[62].

Ввиду стремительно меняющейся политической обстановки, король, по настоятельному ходатайству русского посла Я.И. Булгакова, 19 июля 1792 года подписал распоряжение об освобождении православного епископа Виктора (Садковского)[63]. 21 июля в помещение, где содержался владыка Виктор, явился присланный из Варшавы капитан и зачитал королевское повеление о его освобождении. Немедленно был снят караул. Капитан поздравил Преосвященного с освобождением и предложил ему карету для следования в Варшаву[64]. Однако владыка оказался настолько слаб и изможден заключением, что его пришлось выносить на руках и некоторое время приводить в чувство[65]. 25 июля владыку привезли в русское посольство в Варшаву, где он и находился[66] в ожидании о себе дальнейших распоряжений.

В начале августа владыка Виктор написал в Святейший Синод. Извещая о своем освобождении, он спрашивал, где ему далее оставаться, что делать, входить ли в управление своей епархией, или нет[67]. В ожидании ответа владыка между тем получил от пришедшей к власти конфедерации «письмо» и «резолюцию»[68], которая торжественно признавала его невинность и восстанавливала во всех правах. В «резолюции» конфедерация обещала восстановить все его имущественные

права и возместить убытки, а также предоставить конвой при его возвращении на кафедру[69]. Копию «письма» и «резолюции» владыка Виктор отправил в Синод и снова спрашивал, не получив ответа на первый рапорт, что ему делать, — прибавляя, что посол ничего не имеет против его отъезда в Слуцк и вступления в управление епархией[70].

Однако еще многие обстоятельства держали Преосвященного Виктора в злополучной Варшаве. Прежде всего, необходимо было истребовать конфискованный после его ареста епархиальный архив. Пока конфедерация позволяла его «поискивать», нужно было использовать момент[71]. Кроме того, владыка получил известие о причиненных во время его заключения «обидах и разорениях» монастырям его епархии и теперь собирался ходатайствовать о защите и удовлетворении нанесенного обителям ущерба[72]. Оба рапорта, отправленные им в Синод, оставались пока без ответа. А Преосвященный Георгий, с которым при первой же возможности владыка Виктор возобновил переписку, не советовал ему входить в управление епархией «без повеления защищающего его Двора»[73]. К тому же, пользуясь временным приютом у посла, владыка совершенно не имел никаких собственных средств к дальнейшей жизни. Конфедераты, много ему наобещавшие, ничего не давали.

В это время владыка Виктор получил печальное известие о смерти своей родной сестры, проживавшей в Слуцке. Об этом сообщил ему в письме архиепископ Георгий, немало утешив и ободрив своего друга мудрым советом и теплым словом участия[74]. Измученная настрадавшаяся душа владыки Виктора теперь, более чем когда-либо, нуждалась в слове подде-

ржки, совете и помощи.

Осиротевшая было паства, узнав об освобождении своего архипастыря, спешила выразить свою радость совершением повсюду благодарственных молебнов Богу. Преосвященному были присылаемы радостные поздравления с пожеланиями скорейшего возвращения.

Не забыл владыка и о своих товарищах по неволе. Без предварительного разрешения Синода, с совета и согласия посла, Преосвященный Виктор «в возчувствование всем единоверным исповедникам высочайшего с невинно страждущим за церковь Христову благоволения», возложил на игуменов Киприана и Виссариона и священника Симоновича золотые наперсные кресты[75] .

Не ожидая скоро вернуться на кафедру в Слуцк, владыка Виктор учредил при себе «походную канцелярию» и принялся за управление епархией оставаясь в Варшаве. 11 ноября он восстановил и свою консисторию в Слуцке[76]. Немедленно, с возобновлением работы консистории, владыка предписал ей восстановить семинарию, учеба в которой совершенно прекратилась в 1790 году[77], и собирать в нее учеников. Выполняя архипастырское повеление, консистория 30 ноября разослала духовным правлениям указы, в которых предписывалось «всех, обучавшихся уже в семинарии достигших к начатию учения латинскому языку, истребовать к 1 числу января месяца следующего 1793 года в Слуцкую Его Преосвященства семинарию»[78].

8 января 1793 года «благочестивая Слуцкая Преосвященного Виктора семинария» была вновь открыта и начала учебный процесс в составе 31 учащегося[79].

17 февраля 1793 года Преосвященный Виктор получил из Святейшего Синода бумагу с официальным разрешением вступить в управление епархией на прежнем основании, согласно данным ранее наставлениям Синода при определении его на архиерейскую кафедру. Теперь можно было возвращаться в Слуцк. 5 марта владыка покинул Варшаву. Он выехал без всякого конвоя, не получив от «обещавших золотые горы» конфедератов на дорогу и содержание ни «пенязя»[80].

20 марта, почти после четырехлетнего отсутствия, Преосвященный Виктор благополучно прибыл в Слуцк. Здесь в Свято-Троицком соборе владыку встречал воодушевленной речью его сотоварищ по узам, кафедральный наместник и первенствующий член консистории, игумен Киприан (Островский): «Прииди, святителю! Воскреси умерщвленных братий наших в сродниках их! Прииди! Оживи чин церкви святыя! Прииди! Разсей семя учений, да возрастает в сторичные плоды! Прииди и облецы в первобытное благолепие церковь святую и сынов ея!»[81] По приезде в Слуцк владыке выпало пережить немало трогательных и счастливых минут. Отовсюду ему присылали поздравления. Некоторые из особенно преданных ему лиц, большей частью глубокие старцы, просили у Преосвященного позволения прибыть к нему, чтобы своими глазами увидеть своего пастыря «на престоле седяща»[82].

Политически одряхлевшая, разбитая бесчисленными внутренними противоречиями Речь Посполитая, доживала исторически свои последние дни. Вместе с тем, в прошлое уходила эпоха гонений и жестоких преследований православной веры в этом государстве. Наконец разрешался многовековой антагонизм между простым народом, в глубине своей сохра-

няющим православную веру и культуру, и окатоличенным высшим сословием. Столетиями сословная верхушка, основную массу которой составляла польская шляхта, стремилась отмежеваться от простонародья, которое презрительно называла хлопством и быдлом. Надменное и спесивое, господство питало глубокое отвращение ко всему жизненному укладу презираемого им низшего сословия. Постоянно подталкиваемое католическим духовенством, оно всяческими способами силилось изжить святое православие в крае, питающее самосознание угнетаемого ими народа живительной силой. Однако всегда православный люд, вдохновляемый лучшими людьми своего времени, поднимался на борьбу за православную веру и народность. Временами эта борьба доходила до крайнего напряжения и нередко заканчивалась глубокими потрясениями для Речи Посполитой. Борьба эта порождала и своих героев, мученичеством и исповедничеством своим утверждающих дело православия на землях Литвы, Белоруссии и Украины. Так и теперь вызванное польско-католическим фанатизмом гонение на православных, отличавшееся всем напряжением последних усилий, сильно всколыхнуло все общество. Для Преосвященного Виктора оно закончилось исповедничеством, а для Речи Посполитой обернулось войной с Россией и очередным разделом государства.

Вернувшись из Варшавы в Слуцк, владыка Виктор теперь находился не во враждебном православию «польском» государстве, а в единоверной России.

Глава 3
Первый минский архиепископ

События, происходившие в Речи Посполитой в период четырехлетнего сейма, произвели крайне негативное впечатление на русское правительство, и многое изменили в его отношении к этому государству. В очередной раз открыто проявившиеся антирусские настроения, неистовые и ничем не оправданные преследования православных, беззаконные действия в отношении русских подданных, попытки оторвать от Матери-Церкви православное население путем церковной автокефалии рассеяли все благожелательные настроения Екатерины к Речи Посполитой и привели ее к убеждению, что с русско-польским вопросом можно покончить лишь путем самых решительных мер[1].

Пока Тарговицкая конфедерация пыталась установить повсеместно свое влияние, между Пруссией, Россией и Австрией шли переговоры о втором разделе Речи Посполитой. Хотя переговоры велись тайно, слухи о них стали проникать в газеты. Конфедерация встревожилась, но успокоенная из Петербурга, не принимала никаких мер для предотвращения раздела даже и тогда, когда прусский король ввел свои войска в Великую Польшу. В это время вместо генерала М.В. Каховского главнокомандующим в Польше был назначен барон Осип Андреевич Игельстрем, а в Литве и на Украине — генерал-аншеф Михаил Никитич Кречетников. Русский

посланник Я.И. Булгаков был отозван из Варшавы, а на его место назначен Яков Ефимович Сиверс, который совместно с Кречетниковым был призван содействовать подготовке декларации России о втором разделе Речи Посполитой. По высочайшему повелению императрицы Екатерины декларация эта была всенародно объявлена 27 марта 1793 года генералом М.Н. Кречетниковым в местечке Полонном Волынской губернии. Вслед за Россией о том же объявил и прусский король. Для конфедерации это объявление оказалось полной неожиданностью. Некоторые из ее членов, как Северин Ржевуский, сделались ярыми противниками России, но другие безропотно признали свершившийся факт. 17 июня сейм в Гродно, признал второй раздел Речи Посполитой[2].

Согласно манифесту о разделе Речи Посполитой к России «на вечные времена» отходили губернии Витебская и Минская в полном их составе и восточные половины губерний Волынской и Подольской[3]. Уже вскоре после его объявления сенату 13 апреля 1793 года было дано высочайшее повеление о разделении всей присоединенной территории на три губернии — Минскую, Изяславскую и Брацлавскую[4]. Из трех новообразованных губерний составлялась одна епархия, под названием — Минской. В управление епархией назначался Преосвященный Виктор (Садковский) с присвоением ему титула «архиепископа Минского, Изяславского и Брацлавского». За ним сохранялся и титул «коадьютора киевской митрополии», но в высочайшем указе говорилось: «сей новой епархии помянутый архиепископ имеет быть от митрополита киевского независим, но по должности и наименованию коадъютора митрополии киевской, которая от него не отъемлются, имеет

к митрополиту киевскому отношение по-прежнему»[5]. Новая епархия по штатному расписанию причислялась ко второму классу и ставилась по рангу после Могилевской.

Так как административное устройство новоприсоединенных областей не имело еще окончательного оформления, и невозможно было точно определить, какие именно церкви должны отойти, согласно высочайшему указу, к соседним архиереям, а какие к Минскому архиепископу, Синод предписал взять временно в свое управление все отошедшие к России православные церкви Преосвященному Виктору, пока не будет утверждено точное расписание.

Первые дни церковной жизни присоединенных к России областей были посвящены принесению присяги новому, русскому правительству. Понуждать не приходилось никого. Вместе с принесением присяги всюду заводились и «российские порядки».

Часть населения, присоединенных областей, отторгнутая в свое время от православия в унию, сейчас с нетерпением ожидала возможности возвратиться в исконное «благочестие». Массы униатов, измученные католической «опекой» и «покровительством» польской короны, вступив теперь «под скипетр великия Екатерины», ждали скорейшего осуществления своих давних устремлений — вернуться в лоно «Святыя восточные Греко-Российския Церкви»[6]. Между тем российское правительство к этому устремлению не отнеслось с должным пониманием. В вопросах религиозных оно действовало как правило с точки зрения политической целесообразности. В манифесте от 27 марта говорилось: «Всемилостивейшая государыня изволила не только всех своих новых подданных

подтвердить при совершенной и ни чем неограниченной в свободе в публичном отправлении их веры, ... но всех и каждого награждать... всеми теми правами, вольностями и преимуществами, каковыми древние подданные ея пользуются...»[7]

Католическое духовенство со своей стороны не замедлило воспользоваться таким положением вещей. Один униатский официал поспешил оповестить свой округ, что «склонность под сень православной церкви не соответствует монаршей воле»[8]. Успевшие было воспользоваться благоприятным моментом обращенные в унию крестьяне и возвратившиеся в 1792 году в православие, опять были принуждаемы идти в католичество. И снова из разных уголков пошли горькие жалобы на притеснения и своеволие со стороны «латинян». Ничего не мог сделать и Преосвященный Виктор. В деле, котором так сильно был замешан «политический интерес», предпринимать что-либо без ведома высшей власти совершенно не представлялось возможным. Если Синод сделал Преосвященному выговор за самовольное награждение своих «сострадальцев» по варшавским узам, то, что можно было говорить о делах более серьезных. Оставалось только одно — ожидать изменения монаршей воли.

По возвращении Преосвященного Виктора в Слуцк, кроме радостных поздравлений и встреч, его ожидала огромная и напряженная работа. Епархия, четыре года остававшаяся без своего пастыря, пережившая различные перипетии церковной и политической жизни, пришла в совершенное расстройство. Многие приходы не имели священников, монастыри были разорены и обезлюдели. То, что было сделано для устройства епархии Преосвященным Виктором прежде,

за годы его отсутствия оказалось разрушенным. Нужно было многое начинать сначала. В первые месяцы пребывания Преосвященного в Слуцке ни одно архиерейское богослужение не проходило без хиротонии. С трудом удавалось подыскивать подходящих кандидатов в священники, но найти монахов для опустевших монастырей было еще труднее. Если в Сурдегский монастырь, где была неотложная надобность, владыка послал немедленную помощь, то в другие обители он писал, что с недостатком монахов необходимо до времени потерпеть: «теперь в целой епархии особливо в близких к кафедре монастырях, не только в диаконах, но и в иеромонахах великий имеется недостаток»[9].

Преосвященный обратился за помощью в Святейший Синод, чтобы ему прислали из соседних епархий — Киевской, Черниговской, Новгородской иеромонахов и монахов «благонадежных человек с двадцать». Синод удовлетворил просьбу владыки, и к нему было направлено из разных епархий просимое число иноков. Прибывшие в сане иеродиаконов большей частью немедленно рукополагались в иеромонахов, а простые монахи в иеродиаконов. Присланными монахами кое-как удалось устранить вопиющий недостаток людей в монастырях. Но большая нехватка по-прежнему оставалась в приходских священниках. Всех церквей в епархии Преосвященного Виктора на 1793 год насчитывалось 329, между тем как клириков не набиралось и на половину их[10].

Главную надежду в подготовке священнических кадров владыка Виктор, конечно же, возлагал на семинарию. Теперь она именовалась по титулу вновь учрежденной епархии — Минской, хотя и оставалась по-прежнему в Слуцке. Вла-

дыка возобновил свои заботы об устроении школы, а самое главное о привлечении в нее учеников. Преосвященному снова приходилось бороться с упорным нежеланием священников отдавать своих сыновей в семинарию. Причины тому были самые разные: крайняя бедность отцов, нежелание лишаться помощника в домашнем хозяйстве, удаленность от места учебы и просто нерадение. В октябре 1793 года префект П.Ф. Илликевич-Корбут доносил владыке, что многие дети священников «имеющие лета способные к учению», частично находятся в домах родителей, а частью «отъехали в посторонния семинарии иезуитские — Пинскую и Дубровицкую»[11]. По повелению Преосвященного Виктора консистория немедленно разослала в духовные правления указ с требованием незамедлительно высылать детей священников на учебу в Слуцк. При этом из консистории были посланы специальные «нарочные» с инструкцией — принудительно и без всяких отговоров забирать возрастных священнических детей и везти их в семинарию. В случае неподчинения, писал Преосвященный Виктор, «дети их в Слуцк в железах представятся и отцы их приходов отрешатся»[12]. Эта вынужденная мера возымела некоторый результат, и к началу 1794 года к прежним учащимся прибавилось еще 16 воспитанников.

Крайнее расстройство церковных дел епархии требовало от владыки Виктора в этот период огромных усилий к упорядочению и оживлению церковной жизни. Но вместе с тем, безотлагательного разрешения требовал и наболевший вопрос об униатах, желающих вернуться в православие. Выждав некоторое время, томившиеся в унии люди, стали сами подавать о себе голос. Приходы, имевшие у себя униатских священни-

ков, слали к Преосвященному Виктору православных кандидатов для рукоположения к своим церквям вместо униатов, поставленных против желания прихожан униатской властью. Шли и священники, прося Преосвященного принять их «с приходскими их церквами и с прихожанами» — «в благочестие, и в епархию»[13]. Владыка Виктор подал «о таковых по благочестию ревнителях» рапорт генерал-губернатору присоединенных областей Т.И. Тутолмину[14], но, не получив от него никаких указаний, решил на свою ответственность присоединить к православию двух монахов-базилиан и двух униатских священников, отказавшись, впрочем, присоединить их приходы. Об этом акте владыка написал Петербургскому митрополиту Гавриилу (Петрову) и просил «извинения» в самовольном поступке и «защиты» перед Святейшим Синодом[15].

Видя, что правительство не принимает никаких мер к решению складывающейся проблемы, народ сам начал добиваться того, чего с обретением нового подданства ожидал как само собой разумеющегося. Преосвященному Виктору приходилось уже иметь дело с такими фактами, как одновременное получение прошений «от двадцати деревень с горячейшим желанием о возвращении их на благочестие»[16]. Кроме того, прошения о возвращении в православие стали появляться и в уездных правлениях, и в канцеляриях губернаторов и даже у генерал-губернатора. Вопрос не мог больше оставаться без кардинального решения. Полученные прошения Преосвященный Виктор отослал на рассмотрение Святейшего Синода. Однако серьезность ситуации вынуждала его самого ехать в Петербург. 10 января 1794 года владыка написал из Минска в Синод рапорт о позволении ему прибыть в столицу. 7 марта

он получил разрешение, но воспользоваться им немедленно не нашел возможности, а вскоре положение дел изменилось настолько, что поездка оказалась излишней[17].

Присланные Преосвященным Виктором двадцать прошений, подробно рассказывающие о насильном присоединении в унию, бедствиях священников и прихожан, и решительном намерении их вернуться в православие, были доведены Святейшим Синодом до сведения Екатерины. 22 апреля 1794 года синодальный обер-прокурор А.И. Мусин-Пушкин[18] на экстренном заседании Синода объявил высочайшее повеление императрицы, коренным образом меняющее положение дел в вопросе присоединения униатов. В высочайшем указе говорилось, что, Ее Императорское Величество, «уведомившаяся, что жители губерний Брацлавской, Изяславской и Минской, которых предки ... лестию и притеснением, во время польского владения, обращены были на унию с римлянами, изъявляют ныне усердное их желание возвратится к истинной их Матери-Церкви благочестивой, высочайше повелеть соизволила», чтобы Святейший Синод «препоручил» Минскому архиепископу обнародовать свою пастырскую грамоту с вызовом униатского населения на возвращение к «благочестию»[19]. Генерал-губернатору Т.И. Тутолмину указ повелевал предоставлять, всем желающим возвратиться в православие «от светскаго начальства защиту и пособие»[20]. Архипастырская грамота, о которой говорилось в указе, была сразу же составлена в Синоде и немедленно отпечатана тиражом 2150 экземпляров. Тут же была заслушана и одобрена инструкция Преосвященному Виктору с подробным расписанием порядка присоединения униатов.

Синодальный указ от 22 апреля с приложением двух тысяч экземпляров пастырской грамоты, Преосвященный Виктор получил 30 апреля. В тот же день Т.И. Тутолмин в присланной записке приглашал его приехать к нему в Несвиж для личных переговоров по делу им обоим «высочайше порученному, и для улажения наиудобнейших в достижении того мер»[21]. Владыка Виктор побывал у генерал-губернатора и они наметили план будущих действий, несколько изменив присланную из Синода инструкцию. Решено было некоторое время держать высочайшее повеление в секрете и этим временем воспользоваться для подготовки разных средств, необходимых в проведении такого огромного дела. Когда же решительно все будет готово, сразу по всем местам начать воссоединение, причем, имелось в виду грандиозностью, величием, и, так сказать, всенародностью дела оказать благоприятное влияние на пугливые и сомневающиеся души. Выработанная совместно программа была отправлена в Петербург на рассмотрение императрицы.

Екатерина II одобрила представленную ей Преосвященным Виктором и Т.И. Тутолминым программу. 19 мая обер-прокурор объявил Синоду новое высочайшее повеление — снабдить Минского архиепископа для предпринимаемого в его епархии дела воссоединения «способными к тому духовными особами», с предоставлением им места в новой епархии соответствующего их чину. Синоду предлагалось избрать «из ученых и качеств сему соответствующих» одного архимандрита, «священников потребное количество из других епархий» и направить их «без замедления» к Преосвященному Виктору[22]. В помощь Минскому владыке Синод назначил архимандрита

Варлаама (Шишацкого), бывшего некогда старшим Виленских монастырей, а Преосвященных: Киевской, Могилевской, Смоленской, Черниговской и Новгород-Северской епархий обязал по первому требованию Минского архиепископа, предоставлять ему, сколько будет необходимо способных священников. Выделены были и денежные средства. Сам владыка на личные расходы, связанные с предстоящим делом, получил 2000 червонцев[23].

Днем, в который предполагалось повсеместно начать великое дело воссоединения, было назначено 1 июля. Остающееся до этого срока время употреблялось на подготовку грядущего грандиозного предприятия. Духовенство, по предписанию Преосвященного Виктора, негласно и без лишнего шума распространяло в народе «уверение», что «время гонений уже прошло» и желающим присоединиться к православию «сильное дастся в сем защищение»[24]. Изгнанные со своих приходов священники подготавливались к занятию своих прежних мест. Переписывалась тысяча экземпляров пастырской грамоты, так как к воссоединению ожидалось более 4000 униатских приходов. К соседним архиереям были посланы доверенные священники за антиминсами[25] и святым миром[26], необходимыми теперь в больших количествах[27]. Кроме того, владыка Виктор написал соседним Преосвященным, чтобы каждый отправляемый в его епархию священник имел при себе запасной антиминс[28]. Епархия, для удобства действий была разделена на округа, и в каждую округу был назначен для заведования делом воссоединения особый благочинный.

Получив письменное утверждение императрицы, Преосвященный Виктор 26 мая подписал и отослал Тутолмину, для

обнародования при его посредстве, первую тысячу экземпляров пастырской грамоты.

В начале грамоты вспоминалось скорбное прошлое православия в Речи Посполитой, насильственное введение и распространение унии, и бедственное положение народа. Затем отмечался «недавний счастливый поворот» в истории края, приведший его под скипетр «благочестивой Екатерины и православной Церкви покровительницы». И далее, Преосвященный Виктор, от имени которого была составлена грамота, приглашал, «исполняя волю помазанницы Господней», всех находящихся в пределах его епархии, «которых праотцы, отцы или сами они лестию и страхом от благочестия совращены в унию с латинами, возвратиться безбоязненно в объятия Православной восточной Церкви»[29].

Уже к середине июня грамота была обнародована. Во многих местах обширной епархии Преосвященного Виктора униаты откликнулись на призыв к воссоединению. Однако не везде грамота имела одинаковый успех. В некоторых районах, а особенно на Украине она произвела в начале весьма слабое действие. Этому были свои временные причины. С одной стороны, дело воссоединения было начато в довольно неспокойное время. На оставшейся территории Речи Посполитой шло восстание, поднятое в начале 1794 года, под предводительством генерала Тадеуша Костюшки[30]. И хотя захватившее Польшу и часть Белоруссии восстание не нашло достаточного сочувствия и поддержки в присоединенных к России областях и там сохранялось относительное спокойствие, отдельные отряды повстанцев все же вторгались в край и доставляли немало проблем российским властям. С другой стороны, начав-

шееся воссоединение в реальности оказалось более сложным и трудоемким предприятием, чем виделось сразу. Начать дело воссоединения Преосвященный Виктор практически еще не мог, так как реально не было к тому подготовлено достаточно необходимых средств. Трудно было собрать благочинных. Явились неизбежные проволочки с получением для них казенных денег, без которых последним невозможно было, куда либо отправляться. Полученное владыкой количество антиминсов и мира, было ничтожно мало для предстоящего дела. Негде было взять Преосвященному на данный момент достаточно этих священных предметов, так как в епархиях, в общем-то, не бывает их большой излишек. Владыка писал в Киев, где «миро варят, и антиминсы печатают», но ответа не было. Намеченный было на 1 июля срок начала воссоединения пришлось отодвинуть.

Для лучшей организации дела воссоединения на Украине владыка Виктор назначил украинским благочинным съехаться 30 июля в Лебединский монастырь для согласования действий и получения от него необходимых инструкций. Владыка и сам намеревался ехать на Украину. 5 августа он отправил туда часть своего клира, но вернувшаяся старая болезнь задержала его в Слуцке[31]. В это время стало известно о появлении в районе Минска большого, около пяти тысяч, отряда повстанцев. Несмотря на тревожные слухи, и немного оправившись от болезни, владыка решил все же осуществить поездку. В ночь с 15 на 16 августа под охраной двадцати солдат он выехал из Слуцка в направлении Рогачева. В верстах тридцати от города Преосвященный неожиданно натолкнулся на польских повстанцев, и едва не попав к ним в руки, поспе-

шил вернуться обратно[32]. Из опасения, что поляки нападут на Слуцк, владыка несколько дней провел в Слуцкой крепости. В это время здоровье его резко ухудшилось так, что он «не могучи сам с постели встать, кочевав, проживал после близ шести недель в дому градского протопопа»[33].

Намеченный Лебединский съезд состоялся в свое время. Благочинные разъехались на места, но взяться за дело сразу они не могли. Тревожное состояние в крае, вызванное польским восстанием, держало всех в некоторой нерешительности. Дело воссоединения на Украине смогло возобновиться лишь после того, как по ней прошли русские войска[34].

Вскоре восстание было подавлено полностью. 29 сентября у местечка Мацеевичи произошла битва между повстанцами под предводительством самого Костюшки и частью русского войска под командованием генерала И.Е. Ферзена[35]. В результате этого сражения восставшие потерпели сокрушительное поражение, а сам генерал Костюшко, раненый, был взят в плен. Вместе с этим восстание сразу же потеряло всю свою силу. В конце октября 1794 года русские войска под командованием А.В. Суворова[36] вошли в Варшаву. В 1795 году произошел третий раздел Речи Посполитой, вследствие которого этого государство исчезло с карты Европы[37].

Вслед за тем как восстание было подавлено, дело воссоединения началось во всем его широком масштабе. Воссоединение повсеместное, массовое, началось с конца августа, а к началу октября воссоединившихся по Браславской и Изяславской губерниям было уже более 700 церквей, около 500 священников и до 350.000 прихожан. Причем большая часть присоединившихся приходилась на Браславскую губернию,

которой не коснулось восстание[38]. Начало показывало, каких грандиозных размеров следует ожидать от начавшего процесса. Однако уже с первых шагов обнаружился и крайний недостаток средств, приготовленных для этого дела. Надежды Преосвященного Виктора на всеобщее воссоединение униатских священников не оправдались. Быстро истощились запасы антиминсов и мира. Стало не редким, что многие приходы, желавшие воссоединения, не могли быть присоединенными к православию за недостатком священников, антиминсов и мира. Некоторые приходы воссоединялись, но оставались без священников, и в них некому было совершать церковные службы и требы. К сожалению и сами благочинные, недостаточно опытные и недостаточно подготовленные к великому и сложному делу, нередко давали поводы для нареканий[39].

Кроме различных чисто внутренних затруднений, естественных и неизбежных в таком грандиозном предприятии, дело воссоединения встречало сильное противодействие со стороны униатского и католического духовенства и шляхты, так что и деятели воссоединения, и воссоединившиеся иногда были близки к отчаянию. Магнаты и шляхта всевозможными угрозами и ухищрениями старались отвратить своих крестьян от перехода в «благочестие». Принявшие православие крестьяне часто подвергались жестоким телесным наказаниям. Униатские священники, оставляя приходы, увозили из церквей утварь, богослужебные книги, не отдавали ключи. Помещики не допускали в свои имения благочинных и последним нередко случалось терпеть оскорбления и побои. Воссоединившихся священников преследовали, грабили и притесняли, отнимали у них церковные дома и имения, оставляя их без крова и

пропитания. Гражданские чиновники в большинстве своем, за исключением лишь самых высших слоев, оставались те же, что и при прежней власти. Принадлежа в основном к той среде, которая была враждебно настроена к православию, они не только не оказывали «всевозможное споспешество» делу воссоединения, но зачастую прямо противодействовали ему. На стороне местных помещиков из корыстных видов были и некоторые российские чиновники. И благочинным то и дело приходилось сталкиваться с полным несочувствием их миссии со стороны гражданской власти[40]. «Все люди желают и даже рвутся быть благочестивыми, — говорили Преосвященному Виктору приезжавшие с Украины лица, — только-де бояться чинимых от властей их гроз и устрашений, от коих не видно подобающего в сем защищения»[41].

Для большего успеха дела губернаторы Берхман и Тутолмин усердно звали Преосвященного Виктора на Украину. Однако владыка с конца июня тяжело болел и не мог подняться с постели. Не надеясь на скорое выздоровление, он воспользовался в эту затруднительную минуту определенным ему Синодом в помощники архимандритом Варлаамом, которого он и назначил временным своим заместителем в деле воссоединения[42]. Получив необходимые наставления и архиерейскую грамоту, архимандрит Варлаам отбыл на Украину, откуда регулярно извещал владыку Виктора о ходе воссоединения, держа последнего в курсе всех проблем.

К зиме самочувствие владыки улучшилось, и он мог уже работать дома. Благочинным посылались инструкции, разъяснения, указы, подтверждения точно соблюдать установленные правила в деле воссоединения. Шли новые требования

к соседним архиереям о скорейшей высылке большего числа священников. Для ускорения дела владыка Виктор просил присылать священников прямо на Украину, где архимандрит Варлаам должен был немедленно определять их на приходы. С первых же месяцев 1795 года началось регулярное и в значительном количестве прибытие священников. Сам владыка к началу года поправился уже настолько, что мог совершать богослужения, за которыми, сколько было можно, рукополагал ставленников и отправлял их на Украину[43]. Варлаам распределял по приходам прибывших к нему священников, в случае необходимости, соединял приходы, и мало-помалу, чувствовавшийся с этой стороны недостаток перестал быть ощутимым. Нехватка антиминсов и мира так же была постепенно ликвидирована. К январю 1795 года из Киева было получено уже полторы тысячи антиминсов.

Несмотря на многие препятствия и замешательства, воссоединение все же шло могучей победной волной. По рапорту от 28 февраля 1795 года к православию на Украине присоединилось 1601 униатская церковь, 2 монастыря, 1032 священника и более миллиона прихожан. Два следующих рапорта от 13 и 23 марта, прибавили еще около 200 церквей, до полутораста священников и около 86.000 прихожан. Стремление народа к православию было так велико, что захватило своей мощной волной даже католиков и евреев[44].

Уже в январе Преосвященный Виктор стал собираться на Украину. Он обратился к Т.И. Тутолмину с просьбой выдать ему паспорт и предоставить военный конвой для охраны архиерейского поезда. Однако, не дававшая покоя болезнь задерживала владыку в Слуцке. Только в начале марта Пре-

священный смог двинуться в путь. 20 апреля он прибыл в Житомир, где оставался до конца мая[45]. Июнь был проведен в разъездах, а весь июль и первую половину августа владыка провел в Виннице[46]. Он зорко следил за епархиальными делами, приводя в порядок расстроенную церковную жизнь на Украине.

Принявшие православие униатские священники должны были являться к Преосвященному с документами о действительности своего рукоположения. Они совершали в его присутствии богослужение по уставу Православной Церкви, и затем, после надлежащего наставления, получали усыновительные грамоты. При назначении воссоединившихся священников на приходы, благочинные, по распоряжению владыки Виктора, требовали от них подписку о немедленном устройстве в бывших униатских храмах иконостасов, царских врат, престолов и всего внутреннего порядка «по чиноположению греко-восточной Церкви»[47].

Преосвященный крайне заботливо относился к тому, чтобы вызов иноепархиальных священников не отразился каким-либо стеснением или ущербом для священников местных. Он настойчиво разыскивал изгнанных священников, отдавая им преимущество даже перед воссоединяющимися. В апреле владыка через свою «походную контору» затребовал от всех благочинных подробные сведения об изгнанных священниках, как продолжающих быть вне своих приходов, так и умерших, оставивших после себя осиротевшую семью, чтобы назначением новых, иноепархиальных священников не отнять хлеб у священников-страдальцев и их семейств. Сколько было можно, Преосвященный собирал и ставленников, предоставляя

им воссоединившиеся приходы. На Украине таких кандидатов на священство владыка нашел довольно много, и, не будучи в состоянии всех рукополагать сам, отправлял их для этого в Киев[48].

В начале сентября Преосвященный Виктор вернулся в Слуцк. Эта поездка оказалась его прощальной поездкой по Украине. Волынь и Подолия выходили из ведения Минского архиепископа.

Присоединенные к России в 1794 году, после третьего раздела Речи Посполитой, территории были также включены в состав Минской епархии. Таким образом, Преосвященный Виктор оказался в управлении епархией, обширностью своих границ и количеством находящихся в ее пределах церквей превышающей все существующие епархии. 12 апреля 1795 года в Святейшем Синоде был объявлен высочайший указ о выделении из состава Минской архиепископии самостоятельной епархии и учреждении викарной кафедры. В управление новообразованной епархией был назначен архимандрит Иоанникий (Никифорович) с присвоением ему титула епископа Брацлавского и Подольского. На викарную кафедру назначался архимандрит Варлаам (Шишацкий) с титулом епископа Житомирского. Минский же владыка должен был именоваться теперь архиепископом Минским и Волынским[49]. 23 апреля в Синоде было принято постановление о перенесении кафедры Минского архиепископа из Слуцка в Минск. Для этой цели отдавались два бывших униатских монастыря, мужской и женский, один для размещения архиерейского дома, другой для иноков Петропавловского монастыря[50].

В мае состоялись архиерейские хиротонии обоих канди-

датов на новые кафедры. В ведение Брацлавского епископа отходила от Преосвященного Виктора Украина, а Житомирский епископ получил в управление все 13 уездов бывшей Изяславской, а теперь Волынской губернии. В ведении Минского владыки из двух с половиной тысяч церквей осталось совсем незначительное их количество. К тому же воссоединение униатов в Минской губернии проходило малоуспешно, и не имело таких благоприятных результатов, как в других губерниях.

Еще в самый день своего отъезда на Украину, 3 марта, Преосвященный Виктор назначил для 12 округов Минской губернии 28 благочинных, из лучших священников епархии[51]. В марте же было начато и дело воссоединения. Однако в Минской губернии встретились такие неблагоприятные условия для воссоединения, преодоление которых требовало особых усилий и энергии.

Серьезные затруднения, как и на Украине, представил недостаток антиминсов, мира, богослужебных книг и особенно священников. Недостаток священников скоро оказался так ощутим, что возникали ситуации, когда приходилось одному священнику поручать пять приходов, — а благочинных и их помощников распределить по приходам, приостановив вовсе дальнейшее воссоединение.

Хотя воссоединение униатов в Минской губернии проходило без непосредственного руководства, ввиду того, что Преосвященный Виктор находился на Украине, дело все же понемногу налаживалось и здесь. Недостающие сотни антиминсов готовил к отправке Синод. Крупную присылку сделал из Киева, прибывший туда для хиротонии архимандрит Варлаам. Труднее было устранить недостаток священнослужите-

лей. Случаи перехода в православие униатских священников в пределах Минской губернии были крайне редки. Ограничиваться только своими духовными силами было нельзя, и Преосвященный Виктор снова обратился к вызову иноепархиальных священников. Причем, шестидесяти прибывших из Смоленской епархии священников оказалось вполне достаточно, чтобы решить проблему[52].

Более серьезные препятствия в Минской губернии дело воссоединения встречало со стороны католического и униатского духовенства и помещиков. Здесь вообще все национально-религиозные устремления в народе были сильно подавлены многовековым господством многочисленных католических монахов и бесчисленной мелкой польской и ополяченной белорусской шляхтой. Среди униатского духовенства, постоянно вдохновляемого католическим, лишь немногие склонялись к православию. Словом, врагов и затруднений оказывалось больше чем деятелей и средств.

Высочайший указ от 6 сентября 1795 года об установлении церковно-административного порядка среди оставшихся в новоприсоединенных областях униатов, негласно, как бы подводил черту под делом воссоединения. Еще некоторое время воссоединение по инерции продолжалось, но скоро стало угасать и к концу года практически заглохло[53]. Результаты в пределах Минской губернии оказались не такими впечатляющими как на Украине. К январю 1796 года к православию было присоединено: 94 церкви приходских, 30 приписных, 39 часовен, 15 священников и 79953 души прихожан. Причем, воссоединившиеся приходы составляли лишь пятую часть всех бывших здесь униатских церквей[54].

5 января 1796 года скончался Киевский митрополит Самуил (Миславский). Святейший Синод решил переместить на Киевскую кафедру Черниговского владыку Иерофея (Малицкого), в Чернигов Преосвященного Виктора (Садковского)[55], а в Минск — викария Екатеринославской епархии, епископа Иова (Потемкина). 13 мая 1796 года в Синод поступило высочайшее повеление: «архиепископа Минского Виктора переместить в Черниговскую епархию»[56]. Назначение это было полной неожиданностью для владыки. Начав свое архипастырское служение в Слуцке, положив лучшие свои годы на устроение новой епархии, выросшей при нем из малой в великую, он едва ли думал, что ему когда-либо придется покинуть ее, хотя приятели и звали его на соседние кафедры, — например, в Могилев, — увещевая, что там он найдет покой, а быть может и белый клобук[57].

Уведомляя Преосвященного Виктора о его перемещении в Чернигов, Святейший Синод предписывал Минскому архиепископу прежде его отъезда на новую кафедру предоставить «верный расчет» во всех денежных суммах, отпущенных в его распоряжение за все годы архиерейства, с самого определения его епископом в Слуцк. Синодальный указ владыка получил 4 июня. Ему предстояло готовить колоссальный отчет, однако приходорасходных книг, по собственному признанию, Преосвященный не вел. Приходилось писать по памяти, хотя многого нельзя было и припомнить. Владыка сделал, что было возможно: составил приходорасходные ведомости с 1793 года, а вместо отчета за все предшествующее время он написал консистории, требовавшей от него, в силу синодального указа, отчета, откровенное и убедительное письмо. В нем

владыка указывал множество веских и объективных причин, в виду которых дать реальный отчет с 1785 года, он был не в состоянии[58]. Ситуация выходила скверная и весьма щекотливая. Полная беспомощность Преосвященного Виктора при даче «расчета» как будто затемняла все его двенадцатилетнее архипастырское служение и делала его в глазах высшей церковной власти «неисправным архиереем»[59]. Да и труды Преосвященного на поприще начатого при нем и, в основном своем объеме совершенного великого дела воссоединения, оставались в прямом смысле неоцененными. Оба епископа, получившие в управление области, недавно еще находившиеся под попечительством Минского архиепископа, имели удовольствие подводить блестящие итоги, докладывая о которых забывали упоминать имя того, кто проделал там неизмеримо больше, чем они, работы. К тому же Преосвященному Виктору в конце пришлось иметь дело с самой неблагоприятной для воссоединения частью новоприсоединенного края. Возникшие в Минской губернии неизбежные препятствия и замешательства, приписывались нераспорядительности и малоопытности Преосвященного, и, словно, было забыто полтора миллиона воссоединенных униатов на Украине.

Кое-как покончив свои расчеты с консисторией. Преосвященный Виктор вечером 29 июня покинул Слуцк, отправившись к месту своего нового служения. Нерадостно было ему покидать Минскую епархию, на устройство которой он положил столько трудов и здоровья, и теперь все это было омрачено последними обстоятельствами. Не у кого было теперь искать поддержки и ободрения. Близкие и дорогие ему люди, в которых владыка всегда мог найти твердую опору,

покинули этот мятежный мир. В начале 1796 года скончался Киевский митрополит Самуил. Годом раньше почил о Господе великий труженик и неутомимый борец за православие святитель Георгий (Конисский). Это была тяжелая и невосполнимая утрата для владыки Виктора, которому последний был и наставник, и покровитель, и друг.

24 июля Преосвященный Виктор прибыл в свою новую епархию[60]. Жизнь Преосвященного в Чернигове значительно отличалась от его жизни в Слуцке. Здесь был уже «покой». Однако привыкший к неустанной работе, владыка Виктор и в Чернигове нашел себе дело. Благодаря его заботам, был обновлен и сохранен полуразрушившийся было священный уголок Чернигова — пещеры в Болдиной горе, связанные с именем преподобного Антония Печерского и Свято-Троицкая Ильинская церковь. Пещеры были обновлены на собранные пожертвования, а на ремонт Троицкой церкви владыка исходатайствовал казенные деньги[61]. Церковь эта последние десять лет оставалась почти без ухода и пришла в сильное обветшание. Водворившаяся внутри сырость совершенно испортила иконостас, снаружи обвалился карниз, погнулись кресты, прохудилась и текла крыша. Немедленно же по прибытии в Чернигов Преосвященный Виктор стал хлопотать о восстановлении этой запустевшей величественной церкви. Храм был полностью обновлен, а новый шестиярусный иконостас отличался особенной изысканностью и благолепием[62].

В 1798 году под попечительством владыки Виктора были завершены реставрация и украшение Черниговского Спасо-Преображенского кафедрального собора, начатые еще в 1790 году по повелению Екатерины II[63]. Кроме того, Пре-

освященный Виктор довершил начатое его предшественником строение архиерейского дома и произвел значительную перестройку семинарских зданий.

Черниговская семинария была одной из самых крупных. В ней обучалось, например, в 1797/98 учебном году до 700 учеников. Однако тесные и ветхие деревянные семинарские здания совершенно не соответствовали такому количеству учащихся. Владыка Виктор планировал сделать капитальную перестройку всех зданий семинарии, но его долгие хлопоты по отпуску денежных сумм не увенчались успехом: было отпущено лишь 6000 рублей и поневоле пришлось ограничиться самыми необходимыми починками.

Черниговская семинария была предметом особых забот уважавшего образование владыки. С первого же года своего пребывания в Чернигове он ввел в семинарии общеобязательным предметом еврейский язык. Ходатайствовал о прибавлении для обучающихся в семинарии дворянских детей новых дисциплин: геометрии, рисования и — «по смежности присоединенного от Польши края» — польского языка. Кроме того, Преосвященный считал нужным иметь в семинарии «класс простого греческого языка, который нынешние греки употребляют»[64]. Им были сделаны некоторые распоряжения и по части педагогической: не исключать тех, которые желали бы продолжать учебу, независимо от их возраста; не препятствовать переходу в старшие классы малолетних, если ими оказаны надлежащие успехи; не наказывать розгами «философов» и «богословов»[65].

В 1803 году в Петербурге вспомнили о старом деятеле православия Украины и Белоруссии. 7 апреля император

Александр I подписал указ о награждении Преосвященного Виктора (Садковского), ввиду его трудов на благо Церкви, орденом Св. Александра Невского[66]. Это был последний год жизни Преосвященного. В конце сентября владыка Виктор серьезно заболел. Состояние его заметно ухудшалось. Постепенно болезнь усилилась настолько, что он лишился возможности владеть руками и впадал в продолжительное забытье. В самую полночь с 10 на 11 ноября, в наступающий день своего ангела, Преосвященный Виктор скончался[67]. Утром тело владыки обмыли и облачили в архиерейские одежды. Немедленно был послан нарочный к Киевскому викарию, епископу Чигиринскому Феофану, с приглашением прибыть на погребение Преосвященного. Во всей епархии совершались заупокойные службы о почившем архипастыре. Тело Преосвященного Виктора погребли у правого клироса обновленной им Троицкой Ильинской церкви[68].

Во время своей предсмертной болезни, в один из моментов прояснения сознания, Преосвященный Виктор сообщил находившимся возле него лицам, что в его сундуке они найдут тысячу голландских червонцев, сохраненных им на свое погребение. Это были деньги, пожалованные Преосвященному лично еще императрицей. Однако когда владыка скончался, указанных денег не нашли. По общему мнению, ими, как и многими другими вещами Преосвященного, воспользовался его келейник Леонтий Юдицкий. В ходе начатого расследования оказалось, что этот нечистоплотный человек бесстыдно присвоил себе даже дворянское происхождение[69].

Никаких капиталов после Преосвященного не осталось. Несколько недорогих вещей, преимущественно из одежды и

хозяйственных, были завещаны различным священникам, с просьбой молиться о нем. Лучший свой кафтан — из «французского штофу», усыпанный по красному полю цветами, и лучшую рясу — из фиолетового бархата владыка завещал преемнику архиерею[70]. От Преосвященного осталась значительная библиотека из двух с половиной тысяч наименований, латинских, русских, французских, польских, греческих, немецких и еврейских книг[71].

Заключение

Окидывая взором жизненный путь Преосвященного Виктора отчетливо видится как Промысел Божий вел своего избранника к будущему архиерейскому служению. Уже с юного возраста жизнь Садковского протекала под непосредственным влиянием и отеческим руководством святителя Георгия (Конисского) — человека исключительных дарований, необычайной энергии и целеустремленности. Большую половину жизни он имел руководство и находил поддержку в лице этого великого человека, всегда оставаясь его верным послушником и продолжателем того важного дела, во главе которого стоял святитель Георгий. Преосвященный Виктор в свое время последовательно прошел череду послушаний и служений, явившихся необходимой духовной и административной школой для предстоящего ему епископского служения.

Само архипастырство владыка Виктор начал в весьма неспокойное время в стране, где православие находилось в крайне стесненном положении. В церковной жизни огромной епархии, в управление которой он был поставлен, царили разруха и неустроенность. И вот, благодаря деятельности Преосвященного, походившего больше на миссионера, нежели на епархиального архиерея, жизнь епархии заметно изменилась. В самые трудные минуты владыка Виктор вернул к жизни две сотни умиравших православных приходов и в течение целого ряда лет поддерживал жизнь четырех десятков монастырей

при самых неблагоприятных для того условиях. Он положил начало духовному просвещению в своей епархии, цену которому очень хорошо знал. В то время и в тех условиях, в которых находилась Православная Церковь в Речи Посполитой, был дорог всякий не только сколько-нибудь образованный, но и просто грамотный человек. Кульминационным же моментом служения Преосвященного Виктора можно считать первые годы становления Минской архиепископии и воссоединение с Православной Церковью униатов.

Ученик Конисского, верный его помощник и последователь, хорошо знакомый со всеми проблемами и тонкостями православного вопроса в Речи Посполитой, окруженный ореолом трехлетнего заключения архиерей — Преосвященный Виктор — был, конечно, не только вполне достойным, но и единственным в то время человеком, который мог бы стать во главе такого важного дела. Его глубокая и искренняя преданность своему служению, его мягкий характер, разумная сдержанность делали его незаменимым там, где требовалось, прежде всего, соблюдение и установление «спокойствия края». Но, к сожалению, замечательные личные качества и усердие Преосвященного на протяжении всего времени его служения очень часто подавлялись внешними условиями и обстоятельствами.

Выработанная Преосвященным Виктором программа воссоединения не может вызвать упреков ни с одной своей стороны. Если ее применение на деле и не оказалось безупречным, то это уже не вина Преосвященного. Разумеется, что такое грандиозное дело, как воссоединение 1794-96 годов не могло пройти, чтобы на своем пути не встретить тех или иных

препятствий. Но когда эти препятствия возникают на каждом шагу и своей массой подавляют и благоприятные условия дела, тогда таковые условия не могут быть названы иначе, как условиями неблагоприятными. При таких обстоятельствах масса энергии и сил уходит на их преодоление, и малейший успех дается с большим трудом. Усталые, измученные и обессиленные уходят с поля битвы те, которые, при других условиях могли бы стяжать себе громкую славу.

Владыка Виктор не пожал при жизни плодов шумного успеха и не собрал себе похвал. Он ушел незаметно и даже в какой-то мере в бесславии, не приобретя среди современников себе ореола бумажной известности. Но дела его свидетельствуют сами за себя и полтора миллиона возвратившихся в православие душ, не это ли громкий успех. Часто бывает так, что Бог по Промыслу Своему не дает человеку земного утешения за труды, дабы полнее вознаградить его в жизни будущей. Верится, что владыка Виктор достойно совершил свое служение в глазах Божиих и ныне утешается там «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная»[1]. С расстояния времени все мелкое и незначительное становится едва заметным или вовсе теряется, а выступает только большое, значимое и общее. Несомненно, владыка Виктор был искренний труженик, полагавший душу свою «за овцы своя» и личность его бесспорно достойна незабвенной благодарной памяти.

Примечания

К вопросу об изучении истории...

[1] Конисский Г. Собр. соч. Георгия Конисского, архиепископа белорусского с портретом и жизнеописанием его / Изд. прот. Иоанном Григоровичем. Ч. 1-2. – СПб.: тип. Рос. акад., 1835; То же. Ч. 1-2. – СПб.: тип. А. Вейсмар, 1861.

[2] Записки преосвященного Георгия Конисского о том, что в России до конца XVI века не было никакой унии с римской церковью». – М.: Унив. тип., 1847.

[3] Конисский Г., архиеп. Собр. соч. Георгия Конисского. – Ч. 2. – С. 187-217.

[4] Коялович М.О. Литовская церковная уния. Т. 1. – СПб.: тип. П. Тихомирова, 1859, Т. 2. – СПб.: тип. журн. «Странник», 1861; История воссоединения западнорусских униатов старых времен. – СПб.: тип. 2-го от-ния собств.е.и.в. канцелярии, 1873.

[5] Чистович И. Очерки истории западнорусской церкви. Ч. 1-2. – СПб.: тип. Деп. уделов, 1882, 1884.

[6] Киприанович Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего времени до настоящего времени. – Вильна: тип. И. Блюмовича, 1895; 2-е дополненное изд. вышло в 1899 г.

[7] О Сапунове смотри: Летапісец Віцебшчыны. – Мн.: Полымя, 1993; Хмельніцкая Л. Гісторык з Віцебска. – Мн.: "Энцыклапедыя", 2001.

[8] Харлампович К.В. Западнорусские православные школы XVI – XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви. – Казань: тип. имп. Ун-та, 1898.

[9] Шавельский Г. Последнее воссоединение с православною церковью униатов Белорусской епархии (1833-1839 гг.) – СПб.: тип. «Сельск. вестн.», 1910. Он же. Из былого alma mater. Белорусская [Полоцкая], греко-униатская семинария в 1833-1834 гг. пред воссоединением униатов. – Витебск: тип. М. Неймана, 1906.

[10] Жукович П.Н. О русском землевладении в Северо-Западном крае со времени присоединения его к России. – СПб.: печатня С. Яковлева, 1895.

[11] Афанасий (Мартос), архиепископ. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. – Мн.: изд-во Белорусского экзархата, 1990. Издание 2-е, исправленное и отредактированное, вышло в 2000 г.

[12] Мельников А.А. Путь непечален. – Мн.: изд. Белорусской Православной Церкви Московского Патриархата.

[13] Памяти преподобномученика Афанасия, игумена Брестского / Материалы

научно-богословской конференции. — Брест, 16-19 сентября 1996 г. — Мн.: изд. Православное братство во имя Архистратига Михаила, 1997.

[14] Церкви и приходы Минска. История и современность. — Мн.: изд. Свято-Петро-Павловского собора, 2001.

[15] Приходы и монастыри Белорусской Православной Церкви. — Мн.: изд. Свято-Петро-Павловского собора, 2001.

[16] Кривонос Федор, свящ. Синодик за веру и церковь пострадавших в минской епархии (1918-1051 годы). — Мн., 1996.

[17] Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные императорскою Академиею наук по завещанию автора. — СПб., 1883. — Т. I. — С. 572.

[18] Антоний (Зубко), архиеп. О греко-унитской церкви в Западном крае России. — СПб., 1889. — С. 60.

[19] Цит. по: Цьвікевіч А. «Западно-руссизм». Нарысы з гісторыі грамадзкай мысьлі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. — Мн., 1993. — С. 145.

[20] Барановский Стефан, свящ. Минско-Волынский архиепископ Виктор Садковский // Литовские Епархиальные Ведомости. — 1878. — №22. — С. 176-179.

[21] Страдомский Андрей, прот. Материалы для жизнеописания преосвященного Виктора Садковского, архиепископа Черниговского и Малороссийского // Черниговские Епархиальные Известия. — 1867. — С. 529-539.

[22] Орловский Петр, прот. Преосвященный Виктор Садковский, архиепископ Минский, Изяславский и Брацлавский, коадъютор Киевской митрополии управляющий с 1785 по 1796 год всеми православными церквами и монастырями в пределах бывшего ц. Польского // Киевская Старина. — 1892. — №7. — С. 20-54.

[23] Л-в П., свящ. Виктор, епископ Переяславский // Киевские Епархиальные Ведомости. — 1861. — №1. — С. 79-89; №2. — С. 135-152; №3. — С. 216-223.

[24] История воссоединения западнорусских униатов старых времен. — СПб.: тип. 2-го отд-ния собств.е.и.в. канцелярии. 1873. Изд. 2-е — Мн.: «Лучи Софии». 1999.

[25] Беднов А. Православная церковь Литвы и Польши. — Екатеринослав, 1908. Изд. 2-е — Мн.: «Лучи Софии». 2002.

[26] Киприанович Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени. — Вильна: тип. И. Блюмовича, 1895.

[27] Чистович И. Очерки истории западнорусской Церкви. — СПб.: тип. деп. уделов, 1884. — Ч. 2.

[28] Рункевич С. История Минской архиепископии (1793-1832 гг.). С подробным описанием хода воссоединения западнорусских униатов с Православною Церковью в 1794-1796 гг. — СПб.: тип. А. Катанского, 1893.

[29] Письма к разным лицам Преосвященного Виктора Садковского, первого

Минского архиепископа (I—CL). Материалы для истории Минской епархии / С.Г. Рункевич // Минские Епархиальные Ведомости. — 1891. — №24; 1892. — №1-24. К истории воссоединения униатов в Минской архиепископии 1794-1795 гг. (Три письма Преосвященного Виктора Садковского к Могилевскому архиепископу Георгию Конисскому) / Горючко П. // Минские Епархиальные Ведомости. — 1902. — №8.

[30] Дело об арестовании поляками Преосвященного Виктора Садковского 18 апреля 1789 года / С.Г. Рункевич // Минские Епархиальные Ведомости. — 1892. — №14. — С. 402-422.

[31] Официальные документы по делу Виктора Садковского / Прот. Петр Орловский // Киевская Старина. — 1892. — №9. — С. 414-420.

Глава 1

[1] Тальберг Н.Д. История Русской Церкви. Репр. воспр. изд. 1959 г. (Джорданвиль). — М.: изд. Сретенского м-ря, 1997. — С. 651.

[2] Зноско Константин, прот. Исторический очерк церковной унии. — М.: Отдел по благотворительности Московского патриархата «Мартис», 1993. — С. 189.

[3] Базилиане (василиане) — католический монашеский орден византийского обряда, назван по имени святителя Василия Великого (IV в.). Основан в 1579 г. папой Григорием XIII на основе греко-католических монастырей в Италии с центром в монастыре Гроттаферрата в окрестностях Рима. В 1617 г. деятельность базилиан распространилась на Украину, Белоруссию и Литву входившие в состав Речи Посполитой. Целью ордена является прозелитская деятельность среди православных и распространение унии.

[4] Зноско Константин, прот. Указ. соч. — С. 190.

[5] Тальберг Н.Д. Указ. соч. — С. 651.

[6] Рункевич С. История Минской архиепископии (1793-1832 гг.). С подробным описанием хода воссоединения западнорусских униатов с Православною Церковью в 1794-1796 гг. — СПб.: тип. А. Катанского, 1893. — С. 60.

[7] Там же.

[8] Коялович М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен (до 1800 г.). — Мн.: изд. «Лучи Софии», 1999. — С. 75.

[9] Келтуяла В. История русской литературы от половины XIII в. до конца XVII в. — СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1911. — Т. 2. — С. 753.

[10] Линчевский М. Педагогия древних братских школ и преимущественно древней киевской академии // Труды киевской духовной академии. — 1870. — №3. — С. 50-55.

[11] Там же. — С. 535.

[12] Георгий (в миру Григорий Осипович Конисский), святитель (1717 — 1775)

— выдающийся архипастырь, богослов, проповедник, поэт, педагог. Родился в дворянской семье в г. Нежине Черниговской губ. Образование получил в Киевской дух. академ. В 1744 г. пострижен в монашество, в 1745 г. рукоположен в иеромонаха. Преподавал в Киевской дух. академ. пиитику, богословие и философию, с 1747 г. префект, а с 1752 г. — ректор академии (в сане архимандрита). В 1755 г. хиротонисан во епископа Могилевского, с 1772 г. стал именоваться епископом Могилевским, Мстиславским и Оршанским, с 1783 г. архиепископ и член Святейшего Синода. Известен как бесстрашный защитник Православия в Речи Посполитой и борец с унией. Как литературный деятель, святитель Георгий известен своей драмой о мертвых, интермедиями, стихотворениями и надписями. Издание сочинений Конисского в 1835 г. (с биографическим очерком) послужило Пушкину поводом дать отзыв о его сочинениях. Из печатных его трудов можно назвать: «Права и вольности жителей, греко-восточную веру исповедующих в Польше и Литве» (1767); «Исторические известия о епархии Могилевской» (1775); «О должностях пресвитеров приходских. Руководство приходскому духовенству» (1776); «Записки о том, что в России до конца XVII столетия не было никакой унии с Римской Церковью» («Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1847. — №8); «О воскресении мертвых. Трагедия. Интермедии» («Древняя и новая Россия», 1878. — Ч. 3); «Слова и речи» (Могилев, 1892). Церковная память святителя Георгия совершается в 3-ю Неделю по Пятидесятнице в Соборе Белорусских святых.

[13] Максимович М.А. Собрание сочинений. — 1876. — Т. 1. — С. 529.

[14] Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем академиею. — Киев, 1856. — Ч. 2. — С. 176; Буглаков Михаил, свящ. Преосвященный Георгий Конисский, архиепископ Могилевский. — Мн.: “Виноград”, 2000. — С. 71-75.

[15] Феофан (Прокопович), архиепископ (1681 — 1736) — знаменитый проповедник и церковный деятель. Род. в Киеве в купеческой семье; образование получил в Киево-Могилянской академии; по окончании курса уехал в Рим, где, чтобы поступить в прославленную тогда иезуитскую коллегию св. Афанасия, должен был принять католичество. Закончив в 1704 г. образование вернулся в Киев. Приняв православие, стал преподавать в академии сначала пиитику, потом риторику, философию и, наконец, богословие, и по всем этим предметам составил руководства. Феофан был заклятым противником всего католического в науке и жизни и поклонником новой европейской науки, созданной Бэконом и Декартом. Благодаря своим способностям был замечен императором Петром I и вызван в Петербург. В 1718 г. хиротонисан на епископскую кафедру в Псков и с этого времени становится ближайшим помощником Петра I в делах духовного управления. Им составлен «Духовный регламент» (1720), написаны предисловие к Морскому уставу (1719) и «Слово похвальное о флоте российском», краткое руководство для проповедников, «Объявление» о монашестве (1724), трактат о патриаршестве, «Первое учение отроком», рассуждения о браках с иноверцами, о крещении, о расколе, подроб-

ный комментарий к «Уставу о престолонаследии», — под заглавием: «Правда воли монаршей во определении наследника державы своей» и мн. др. С 1720 г. — архиепископ Новгородский.

[16] Аскоченский В. Указ. соч. — С. 174.

[17] Там же. — С. 177.

[18] Линчевский М. Указ. соч. — С. 548.

[19] Там же. — С. 578.

[20] Буглаков Михаил, свящ. Указ. соч. — С. 101.

[21] Киприанович Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени. — Вильно: тип. И. Блюмовича, 1895. — С. 11.

[22] Там же. — С. 109.

[23] Рункевич С. Указ. соч. — С. 62.

[24] Буглаков Михаил, свящ. Указ. соч. — С. 125.

[25] Там же. — С. 125.

[26] Чистович И. Указ. соч. — С. 269.

[27] Буглаков Михаил, свящ. Указ. соч. — С. 125.

[28] Чистович И. Указ. соч. — С. 269.

[29] Вержболович М.И. Первый период существования Минской Духовной Семинарии (1785-1817 гг.) // Минские Епархиальные Ведомости. — 1892. — №22. — С. 644.

[30] Рункевич С. Указ. соч. — С. 62.

[31] Письма к разным лицам Преосвященного Виктора Садковского. — I, II.

[32] Рункевич С. Указ. соч. — С. 63.

[33] Там же. — С. 64.

[34] Письма к разным лицам Преосвященного Виктора Садковского. — III.

[35] Штакельберг Отто Магнус, граф (1736 — 1800) — русский посланник при испанском и польском дворах. В 1772 г. вместе с прусским послом представил варшавскому правительству объявление о разделе, затем руководил переговорами о нем, добился утверждения относившегося к нему договора и помог королю против оппозиции, во главе которой стояли Браницкий и Чарторыйский. Именно он поставил короля в полную зависимость от России, чем навлек на себя ненависть поляков. Впоследствии очень много содействовал сближению России с Германской империей, за что Иосиф II пожаловал его имперским графством (1775). Разошедшись с кн. Г.А. Потемкиным, который находил, что в Варшаве он принес России мало пользы, Штакельберг в 1790 г. был отозван из Варшавы, служил по разным дипломатическим поручениям, а при вступлении на престол Павла I подал в отставку.

[36] Филарет (Гумилевский) архиеп. Обзор русской духовной литературы. — СПб., 1884. — Ч. 2. — С. 388.

[37] Орловский Петр, прот. Указ. соч. — 1892. — №7. — С. 22.

[38] Рункевич С. Указ. соч. — С. 66.

[39] Орловский Петр, прот. Указ. соч. — С. 22-23.

[40] Служебный путь Преосвященного Виктора Садковского, первого Минского архиепископа. Материалы для истории Минской епархии / С.Г. Рункевич // Минские Епархиальные Ведомости. — 1894. — №21. — С. 578.

[41] Там же. — №21. — С. 581.

[42] Там же.

[43] Там же. — №22. — С. 621.

[44] Там же. — №21. — С. 582.

[45] Там же. — №22. — С. 622.

[46] Рункевич С. Указ. соч. — С. 68-69.

[47] Самуил (в миру Симеон Григорьевич Миславский), митрополит (1731 — 1796) — выдающийся иерарх, духовный писатель, проповедник, лингвист. Сын священника, образование получил в Киевской дух. академ. В 1754 г. пострижен в монашество, в 1756 г. рукоположен в иеромонаха. В Киевской академ. был сначала преподавателем, потом ректором. В 1768 г. хиротонисан в епископа Белгородского и Обоянского. С 1771 по 1783 гг. занимал Крутицкую, Московскую, Ростовскую кафедры, с 1783 г. — митрополит Киевский и Галицкий. Его труды: «Учитель веры: догматы православной веры» на латинском и русском яз. (Киев, 1760); «Латинская грамматика» (Киев, 1765); «Начальные трактаты богословских лекций Феофана Прокоповича» (изд. в Кенигсберге и Москве, 1773-1776); «Историческое описание Киевской лавры» (Киев, 1799, 1801, 1804), «Увещательное поучение новому викарию епископу Виктору» (М., 1786). Кроме того, во множестве изданы его проповеди — слова и речи.

[48] Служебный путь Преосвященного Виктора Садковского... — 1894. — №22. — С. 623.

[49] Рункевич С. Указ. соч. — С. 70.

[50] Там же. — С. 70.

[51] Там же. — С. 70-71.

[52] Коадъютор — помощник епископа, призванный при исключительных обстоятельствах заменять его. Эта должность распространена в католической церкви, откуда и была заимствована православными Речи Посполитой.

[53] Рункевич С. Указ. соч. — С. 71.

[54] Беднов А.В. Православная церковь в Польше и Литве. — Минск: изд. «Лучи Софии», 2002. — С. 357-358.

[55] Вержболович М.И. Указ. соч. — №22. — С. 645.

[56] Служебный путь Преосвященного Виктора Садковского... — 1894. — №22. — С. 623-624.

[57] Рункевич С. Указ. соч. — С. 72.

[58] Там же. — С. 73.

[59] Служебный путь Преосвященного Виктора Садковского… — 1894. — №23. — С. 670.

[60] Рункевич С. Указ. соч. — С. 75.

[61] Вержболович М.И. Указ. соч. — №22. — С. 645.

[62] Рункевич С. Указ. соч. — С. 76.

[63] Коялович М.О. Указ. соч. — С. 276.

[64] Рункевич С. Указ. соч. — С. 77.

[65] Вержболович М.И. Указ. соч. — №22. — С. 646.

[66] Рункевич С. Указ. соч. — С. 78.

[67] Вержболович М.И. Указ. соч. — №22. — С. 647.

[68] Орловский Петр, прот. Указ. соч. — С. 25.

[69] Рункевич С. Указ. соч. — С. 78.

[70] Коялович М.О. Указ. соч. — С. 281.

[71] Коялович М.О. Указ. соч. — С. 275.

[72] Рункевич С. Указ. соч. — С. 78.

[73] Рункевич С. Указ. соч. — С. 82.

[74] Официал (officiales) — должностное лицо в католической церкви, которое по поручению и под руководством епархиального епископа отправляет в первой инстанции функции церковно-судебной власти в епархии, при содействии официалата (консистории, коллегии каноников).

[75] Орловский Петр, прот. Указ. соч. — С. 26.

[76] Там же. — С. 26.

[77] Там же. — С. 28.

[78] Коялович М.О. Указ. соч. — С. 281.

[79] Рункевич С. Указ. соч. — С. 84.

[80] Коялович М.О. Указ. соч. — С. 279.

[81] Орловский Петр, прот. Указ. соч. — С. 28.

[82] Письма к разным лицам Преосвященного Виктора Садковского. — VII, VIII.

[83] Рункевич С. Указ. соч. — С. 84-85.

[84] Письма к разным лицам Преосвященного Виктора Садковского. — IX.

[85] Коялович М.О. Указ. соч. — С. 282.

[86] Рункевич С. Указ. соч. — С. 85.

[87] Там же. — С. 83.

[88] Там же. — С. 83.

[89] Коялович М.О. Указ. соч. — С. 288.

[90] Письма к разным лицам Преосвященного Виктора Садковского. — XXII.

[91] Коялович М.О. Указ. соч. — С. 287.

[92] Вержболович М.И. Указ. соч. — №22. — С. 647-648.

[93] Коялович М.О. Указ. соч. — С. 292.

[94] Там же.
[95] Рункевич С. Указ. соч. — С. 89.
[96] Там же. — С. 89.
[97] Там же. — С. 91.
[98] Коялович М.О. Указ. соч. — С. 295.
[99] Беднов А.В. Указ. соч. — С. 359.
[100] Коялович М.О. Указ. соч. — С. 297.
[101] Рункевич С. Указ. соч. — С. 90.
[102] Там же. — С. 91.
[103] Там же. — С. 94.
[104] Там же. — С. 96.
[105] Л-в. П., свящ. Виктор, епископ Переяславский // Киевские Епархиальные Ведомости. — 1861. — №1. — С. 86.
[106] Коялович М.О. Указ. соч. — С. 304.
[107] Безбородко Александр Андреевич, князь (1746 — 1799) — государственный деятель. Образование получил в доме своих родителей, затем в Киевской академии. С 1765 г. правитель канцелярии Малороссийского генерал-губернатора гр. П.А. Румянцева-Задунайского. В 1767 г. определен членом Малороссийского генерального суда. В 1767 г., с началом войны с Турцией, оставил гражданскую службу и поступил в военную. Начальствовал над полками: Нежинским, Лубенским, Миргородским и компанейским. С назначением П.А. Румянцева главнокомандующим 2-й армии, Безбородко перешел в его армию и находился при нем неотлучно в сражениях, управлял делами генерала-фельдмаршала и исполнял разные тайные поручения. С 1775 г. в звании полковника служил при императрице для принятия прошений, поступающих на высочайшее имя. В 1779 г. произведен в бригадиры и награжден деревнями в Белоруссии за участие в окончании дел Турцией. Принимал участие в важнейших политических делах второй половины царствования Екатерины II: в заключении морской декларации 1780 г. и в ряде др. трактатов о морском нейтралитете (1780-83), оборонительных союзных договоров России с Австрией и Пруссией (1792) и с Великобританией (1794), в 3-м разделе Речи Посполитой (1795) и др. Пользовался неограниченной доверенностью императрицы, был даже влиятельнее вице-канцлера графа Остермана. Дослужился при Екатерине II до чина действительного тайного советника, имел много наград, возведен в графское достоинство. При императоре Павле I в 1797 г. Безбородко объявлен канцлером и возведен в княжеское Российской империи достоинство.
[108] Рункевич С. Указ. соч. — С. 98.
[109] Л-в. П., свящ. Виктор, епископ Переяславский. — С. 87-89.

Глава 2

[1] Письма к разным лицам Преосвященного Виктора Садковского. – XX–XLIX.
[2] Там же. – XXXI.
[3] Там же. – XXXII, XXXVII.
[4] Там же. – XXI, XXV.
[5] Там же. – XXXIV.
[6] Там же. – XXXI.
[7] Там же. – XXXVIII.
[8] Там же. – XLII.
[9] Там же. – XLII, XLV.
[10] Рункевич С. Указ. соч. – С. 106.
[11] Коялович М.О. Указ. соч. – С. 314.
[12] Орловский Петр, прот. Указ. соч. – С. 33.
[13] Письма к разным лицам Преосвященного Виктора Садковского. – XII, XIII.
[14] Там же. – LIII, LIV.
[15] Беднов А.В. Указ. соч. – С. 360.
[16] Письма к разным лицам Преосвященного Виктора Садковского. – V, VII, XXI, XXII, XXV, L.
[17] Там же. – XIV.
[18] Рункевич С. Указ. соч. – С. 105.
[19] Письма к разным лицам Преосвященного Виктора Садковского. – XXI.
[20] Коялович М.О. Указ. соч. – С. 314-315.
[21] Рункевич С. Указ. соч. – С. 318.
[22] Беднов А.В. Указ. соч. – С. 367-368.
[23] Коялович М.О. Указ. соч. – С. 316.
[24] Маркитант – мелочной торговец съестными припасами и предметами солдатского обихода, следующий за войском в походе, на маневрах и во время войны. В описываемый период маркитантство существовало во всех европейских армиях.
[25] Беднов А.В. Указ. соч. – С. 367-379.
[26] Там же. – С. 379.
[27] Дело об арестовании поляками Преосвященного Виктора Садковского... – С. 412.
[28] Кивлицкий Е. Мнимый бунт на Волыни в 1789 г. // Киевская Старина. – 1902. – №11. – С. 289.
[29] Беднов А.В. Указ. соч. – С. 364-365.
[30] Материалы к истории трехлетнего заключения православного епископа Виктора Садковского в польских тюрьмах / П.Ф. Николаевский // Христианское чтение. – 1892. – Ч. 2. – С. 186.
[31] Дело об арестовании поляками Преосвященного Виктора Садковского...

— С. 410.

[32] Рункевич С. Указ. соч. — С. 316.

[33] Материалы к истории трехлетнего заключения православного епископа Виктора Садковского… — С. 181-182.

[34] Там же. — С. 182.

[35] Там же. — С. 183.

[36] Там же. — С. 185.

[37] Там же. — С. 170.

[38] Рункевич С. Указ. соч. — С. 119.

[39] Коялович М.О. Указ. соч. — С. 319.

[40] Материалы к истории трехлетнего заключения православного епископа Виктора Садковского… — С. 187-188.

[41] Дело об арестовании поляками Преосвященного Виктора Садковского… — С. 412-413.

[42] Коялович М.О. Указ. соч. — С. 320.

[43] Там же. — С. 320.

[44] Рункевич С. Указ. соч. — С. 111.

[45] Коялович М.О. Указ. соч. — С. 322.

[46] Рункевич С. Указ. соч. — С. 130.

[47] Дело об арестовании поляками Преосвященного Виктора Садковского… — С. 416.

[48] Рункевич С. Указ. соч. — С. 114.

[49] Беднов А.В. Указ. соч. — С. 361.

[50] Дело об арестовании поляками Преосвященного Виктора Садковского… — С. 408.

[51] Материалы к истории трехлетнего заключения православного епископа Виктора Садковского… — С. 189.

[52] Там же. — С. 197.

[53] Дело об арестовании поляками Преосвященного Виктора Садковского… — С. 414.

[54] Беднов А.В. Указ. соч. — С. 381.

[55] Там же. — С. 383-394.

[56] Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года. — Петрозаводск: «Фолиум», 1997. — Ч. 2. — С. 642-644.

[57] Беднов А.В. Указ. соч. — С. 501.

[58] Польская конституция 3 мая 1791 г. // Хрестоматия по русской истории / Составил М. Коваленский. — М.-Петроград, 1923. — 2-е изд. — Т. III. — С. 259-260. Сравни: Костомаров Н. Последние годы Речи Посполитой. — СПб.: тип. М.И. Стасюлевича, 1886. — 3-е изд. — Т. I. — С. 460-470.

[59] Материалы к истории трехлетнего заключения православного епископа Вик-

тора Садковского… — С. 175. Сравни: Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. — М.: «Международные отношения», 2002. — С. 247-249.

[60] Стегний П.В. Указ соч. — С. 249-263.

[61] Материалы к истории трехлетнего заключения православного епископа Виктора Садковского… — С. 199-200.

[62] Там же. — С. 200.

[63] Орловский Петр, прот. Указ. соч. — С. 46.

[64] Рункевич С. Указ. соч. — С. 145.

[65] Материалы к истории трехлетнего заключения православного епископа Виктора Садковского… — С. 178.

[66] Официальные документы по делу Виктора Садковского… — С. 414.

[67] Дело об арестовании поляками Преосвященного Виктора Садковского… — С. 414-416.

[68] Официальные документы по делу Виктора Садковского… — С. 416.

[69] Там же. — С. 417.

[70] Дело об арестовании поляками Преосвященного Виктора Садковского… — С. 420.

[71] Рункевич С. Указ. соч. — С. 147.

[72] Дело об арестовании поляками Преосвященного Виктора Садковского… — С. 421.

[73] Рункевич С. Указ. соч. — С. 148.

[74] Там же. — С. 148.

[75] Там же. — С. 149.

[76] Там же.

[77] Вержболович М.И. Указ. соч. — №22. — С. 659.

[78] Там же. — №23. — С. 697.

[79] Там же. — №23. — С. 698.

[80] Дело об арестовании поляками Преосвященного Виктора Садковского… — С. 421-422.

[81] Материалы к истории трехлетнего заключения православного епископа Виктора Садковского… — С. 201.

[82] Рункевич С. Указ. соч. — С. 153.

Глава 3

[1] Там же. — С. 145.

[2] Стегний П.В. Указ соч. — С. 291-316.

[3] Материалы к истории трехлетнего заключения православного епископа Виктора Садковского… — С. 179.

[4] Коялович М.О. Указ. соч. — С. 341.

[5] Служебный путь Преосвященного Виктора Садковского... — 1895. — №7. — С. 199.

[6] Рункевич С. Указ. соч. — С. 160.

[7] Дакуметы і матэрыялы па гісторыі Беларусі (1772-1903). — Мн.: АН БССР, 1940. — Т. 2.

[8] Рункевич С. Указ. соч. — С. 162.

[9] Там же. — С. 164.

[10] Там же. — С. 166.

[11] Вержболович М.И. Указ. соч. — №23. — С. 699.

[12] Там же. — №23. — С. 700.

[13] Рункевич С. Указ. соч. — С. 167.

[14] Тутолмин Тимофей Иванович (1739 — 1809) — был генерал-губернатором Волынского и Подольского наместничества, а затем московским главнокомандующим.

[15] Письма к разным лицам Преосвященного Виктора Садковского. — LXXXI.

[16] Рункевич С. Указ. соч. — С. 168.

[17] Коялович М.О. Указ. соч. — С. 341.

[18] Мусин-Пушкин Алексей Иванович, граф (1744 — 1817) — известный археолог, член Российской академии наук. Был обер-прокурором Святейшего Синода, президентом Акад. художеств и сенатором.

[19] Рункевич С. Указ. соч. — С. 169.

[20] Там же. — С. 170.

[21] Письма к разным лицам Преосвященного Виктора Садковского. — LXXXII.

[22] Коялович М.О. Указ. соч. — С. 346.

[23] Рункевич С. Указ. соч. — С. 177.

[24] Письма к разным лицам Преосвященного Виктора Садковского. — LXXXIII.

[25] Антиминс (греч. αντιμίσιον) — «вместопрестолие». Четырехугольный, из льняной или шелковой материи плат, на котором изображается положение Христа во гроб; по углам помещается изображение четырех евангелистов, а на верхней стороне вшиваются частицы мощей. Антиминс, как и престол, освящается архиереем. Он кладется на престол под Евангелием, завернутый в особую ткань, называемую «плитоном». На нем совершается освящение Святых Даров.

[26] Миро (греч. τό μύρον) — священное вещество, употребляемое в христианской Церкви для таинства миропомазания.

[27] Письма к разным лицам Преосвященного Виктора Садковского. — LXXXIX; К истории воссоединения униатов в Минской архиепископии 1794-1795 гг. (Три письма Преосвященного Виктора Садковского к Могилевскому архиепископу Георгию Конисскому) / Горючко П. // Минские Епархиальные Ведомости. — 1902.

— №8. — С. 180.

[28] Там же. — ХС; К истории воссоединения униатов… — С. 183.

[29] Рункевич С. Указ. соч. — С. 175.

[30] Костюшко Тадеуш (Tadeusz-Andrzéj Bonawentura Kościúszko) (1746 — 1817) — генерал, вождь польского восстания 1794 г. Сын небогатого шляхтича Новогродского повета. Учился в Варшавской кадетской школе. С 1769 по 1774 гг. обучался инженерному искусству в Германии, Италии и Франции. Здесь на его мировоззрение сильно повлияли идеи французской просветительной философии. Вернувшись на родину, служил в польской армии, но, не видя здесь приложения своим способностям, уехал во Францию, а затем в Америку (1778). Принятый в американскую армию, был замечен Вашингтоном и сделался его адъютантом. По окончании войны получил чин бригадного генерала. Вернувшись в Польшу, примкнул к партии либеральных патриотов. В 1792 г. участвовал в защите конституции 3 мая против России и Тарговицкой конфедерации, находясь в армии кн. И. Понятовского, и хотя его корпус был разбит превосходящими силами русских под Дубенкой, но общий голос признал его единственным талантливым полководцем среди тогдашних польских военачальников. С присоединением короля к Тарговицкой конфедерации Костюшко вышел в отставку и отправился в Саксонию, куда съехались авторы и наиболее ревностные сторонники конституции 3 мая, эмигрировавшие из Польши. Здесь составлялись ими планы уничтожения постановлений гродненского сейма, санкционировавшего 2-й раздел Речи Посполитой, и восстановления независимости польского государства. С началом восстания, Костюшко в марте 1794 г. был провозглашен в Кракове начальником вооруженных сил восстания. Первый высланный против него русский отряд был разбит при д. Рацлавицах, что подняло популярность Костюшки до громадных размеров. Русские войска были вытеснены из Варшавы, а предпринятая позже осада Варшавы прусскими и российскими войсками не принесла успеха. Однако скоро ситуация изменилась, польское войско было разбито, а сам Костюшко раненный попал в плен. Вместе с тем восстание потеряло всю свою нравственную силу. Костюшко был отправлен в Петербург, где находился в заточении до восшествия на престол Павла I. Освобожденный в 1796 г. уехал в Америку, откуда через два года переехал во Францию, по призыву составлявшего здесь польские легионы Домбровского. Однако Костюшко разглядел, что французское правительство не имеет намерения восстановить Польшу, как надеялись его соотечественники, и уклонился от участия в легионах. Позднее Наполеон для возбуждения поляков пользовался именем Костюшки, но без его согласия и вопреки его желанию. После падения Наполеона Костюшко вступил в переговоры с императором Александром I и в 1815 г. имел с ним свидание. Русский император высказывал большое уважение к бывшему вождю польского восстания. Тем не менее, Костюшко не вернулся в Польшу, а последние годы жизни провел в Швейцарии, освободив незадолго до смерти принадлежавших ему в Польше крестьян.

[31] Письма к разным лицам Преосвященного Виктора Садковского. — XCVI.

[32] Там же. — XCVII.

[33] Там же. — XCVI.

[34] Рункевич С. Указ. соч. — С. 197.

[35] Ферзен Иван Евстафьевич, граф (1739 — 1800) — выдающийся русский полководец, генерал от инфантерии. Еще в молодые годы, будучи подполковником, оказал выдающиеся отличия в турецкую войну 1769-74 гг. В 1790 г. действовал в Финляндии против шведов. В 1790 г. участвовал и, за содействие победе Чичагова при Березовом Зунде. Произведенный в 1791 г. в генерал-поручики, командуя отдельным корпусом в Литве, сумел образовать тут в 1792 г. генеральную конфедерацию, признавшую покровительство Екатерины II, и быстро умиротворил весь край. Особенно выдвинулся в войну 1792-94 гг. против поляков и приобрел громкую известность поражением и пленением Т. Костюшки в сражении при Мацеевичах. Участвовал во взятии Праги Суворовым. С 1797 г. директор 1-го кадетского корпуса.

[36] Суворов Александр Васильевич (1730 — 1800) — князь Италийский, граф Рымникский и Священной Римской империи, генералиссимус русской армии и генерал-фельдмаршал австрийской, величайший русский полководец. Отец его генерал-аншеф В.И. Суворов, видя хилое сложение сына, предназначал его к гражданской службе, но вследствие неодолимого влечения мальчика к военному делу записал его рядовым в лейб-гвардии Семеновский полк. В 1745 г. Суворов поступил на действительную службу, которую стал нести весьма ревностно, закалил свое здоровье, отлично переносил усталость и всякие лишения. В 1754 г. произведен в офицеры, а на боевое поприще впервые выступил во время 7-летней войны; участвовал в сражении при Кунерсдорфе и в набеге Чернышева на Берлин. Командуя с 1763 г. Суздальским пехотн. полком, выработал свою знаменитую систему воспитания и обучения войск на основании боевых опытов. В 1768 г. участвовал в боевых действиях против польских конфедератов, проявив здесь блестящие дарования. Его победы под Ландскроною, Столовичами и овладение Краковом, сильно повлияли на исход войны, результатом которой был первый раздел Речи Посполитой (1772). В 1773 г. произвел два победоносные поиска на Туртукай, одержал победу над турками у Гирсова, а 9 июня 1774 г. нанес им решительное поражение при Козлудже, повлиявшее на исход войны. До 1779 г. командовал войсками на Кубани и в Крыму. В 1779 г. получил в командование Малороссийскую дивизию, а в 1782 г. Кубанский корпус. После присоединения Крыма к России (1783) усмирил ногайских татар. В 1786 г. назначен начальником Кременчугской дивизии. С началом турецкой войны 1787-1791 гг. командовал Кинбурнским корпусом, на который возложена была оборона Черноморского побережья, участвовал в осаде Очакова (1788). В 1789 г. командуя дивизией в армии Репнина, разбил турок при Фокшанах и Рымнике, за что получил орден св. Георгия I ст. и титул графа Рымникского, а от Австрийского

императора — титул графа Священной Римской империи. В 1790 г. взял штурмом Измаил. С августа 1794 г. действовал на театре польской инсуррекционной войны, где одержал ряд блестящих побед и был награжден званием генерал-фельдмаршала. В 1796 г. назначен начальником Российских военных сил в южных и юго-западных губерниях. Здесь он дал окончательную редакцию своему военному катехизису («Наука побеждать», «Деятельное военное искусство»). При императоре Павле I, за не сочувствие его нововведениям в армии, подвергся опале, был отставлен от службы (1797) и сослан в свое имение под присмотр полиции. Ссылка продолжалась до 1799 г., когда по настоятельным ходатайствам Венского двора, Суворову было поручено начальство над австро-русской армией в войне с Францией. Эта война увенчала его новой славой. Павел I пожаловал ему титул князя Италийского и звание генералиссимуса, приказав поставить ему памятник в Петербурге. Скончался Суворов в Петербурге и похоронен в Александро-Невской лавре.

[37] Стегний П.В. Указ соч. — С. 338-396.

[38] Рункевич С. Указ. соч. — С. 203.

[39] Орловский Петр, прот. Указ. соч. — С. 51.

[40] Письма к разным лицам Преосвященного Виктора Садковского. — XCVIII.

[41] Там же. — CIII.

[42] Рункевич С. Указ. соч. — С. 207.

[43] Там же. — С. 228.

[44] Там же. — С. 229-230.

[45] Письма к разным лицам Преосвященного Виктора Садковского. — CXX.

[46] Там же. — CXXI.

[47] Орловский Петр, прот. Указ. соч. — С. 51-52.

[48] Рункевич С. Указ. соч. — С. 249-250.

[49] Там же. — С. 399.

[50] Коялович М.О. Указ. соч. — С. 356.

[51] Рункевич С. Указ. соч. — С. 243.

[52] Там же. — С. 250.

[53] Там же. — С. 291.

[54] Там же. — С. 263.

[55] Служебный путь Преосвященного Виктора Садковского… — 1895. — №8. — С. 202.

[56] Там же. — С. 203.

[57] Рункевич С. Указ. соч. — С. 340.

[58] Там же. — С. 341.

[59] Там же. — С. 342.

[60] Служебный путь Преосвященного Виктора Садковского… — 1895. — №8. — С. 230.

[61] Рункевич С. Указ. соч. — С. 347.

[62] Там же. — С. 348.

[63] Петров Н. Черниговский Спасо-Преображенский собор и его архитектурные особенности. — Киев, 1916. — Т. 1. — С. 23.

[64] Рункевич С. Указ. соч. — С. 349.

[65] Там же. — С. 349.

[66] Служебный путь Преосвященного Виктора Садковского... — 1895. — №8. — С. 231. Протоирей Петр Орловский в своей статье о Преосвященном Викторе (Садковском) указывает, что он имел также орден Св. Анны 1-й степени (Орловский Петр, прот. Указ. соч. — С. 53).

[67] Служебный путь Преосвященного Виктора Садковского... — 1895. — №8. — С. 231.

[68] Рункевич С. Указ. соч. — С. 350.

[69] Там же. — С. 350.

[70] Там же. — С. 350.

[71] Служебный путь Преосвященного Виктора Садковского... — 1895. — №8. — С. 233.

Заключение

[1] Требник. — М.: изд. Сретенского м-ря, 2000. — С. 239.

Источники и литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — Брюссель: «Жизнь с Богом», 1989. — 2516 с.

2. Анішчанка Я.К. Беларусь у часы Кацярыны II (1772-1796 гады). — Мн.: ЗАО «Веды», 1998. — 220 с.

3. Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем академиею. — Киев, 1856. — Ч. 2. — 186 с.

4. Барановский Стефан, свящ. Минско-Волынский архиепископ Виктор Садковский // Литовские Епархиальные Ведомости. — 1878. — №22. — С. 176-179.

5. Беднов А.В. Православная церковь Литвы и Польши. — Мн.: изд. «Лучи Софии», 2002. — 430 с.

6. Богдановский К. Столетие первого воссоединения униатов Минской губернии (1795-1895 гг.) // Минские Епархиальные Ведомости. — 1895. — №9. — С. 239-247.

7. Буглаков Михаил, свящ. Преосвященный Георгий Конисский, архиепископ Могилевский. — Мн.: изд. «Виноград», 2000. — 656 с.

8. Вержболович М.И. Первый период существования Минской Духовной Семинарии (1785-1817 гг.) // Минские епархиальные ведомости. — 1892. — №22. — С. 644-661; №23. — С. 696-707; №24. — С. 745-757; 1893. — №1. — С. 10-24.

9. Грыгаровіч І.І. Беларуская іерархія: Да 1000-годдзя

хрысціянства на Беларусі. — Мн., 1992.

10. Дакуметы і матэрыялы па гісторыі Беларусі (1772-1903). — Мн.: АН БССР, 1940. — Т. 2. — 938 с.

11. Дело об арестовании поляками Преосвященного Виктора Садковского 18 апреля 1789 года / С.Г. Рункевич // Минские Епархиальные Ведомости. — 1892. — №14. — С. 402-422.

12. Жудро Ф.А. Основание и первые годы Могилевской духовной семинарии (1757-1780 гг.) // Могилевские Епархиальные Ведомости. — 1893. — №5. — С. 97-100; №6. — С. 118-122.

13. Жукович П.Н. Отзыв о сочинении г. Рункевича «История Минской архиепископии (1793-1832 гг.) с подробным описанием хода воссоединения западнорусских униатов с Православною Церковью в 1794-1796 гг.» СПб., 1893. — СПб.: тип. Акад. наук, 1896. — 10 с.

14. Зноско Константин, прот. Исторический очерк церковной унии. — М.: Отдел по благотворительности Московского патриархата, «Мартис», 1993. — 233 с.

15. Игнатьев Р. Археологическое обозрение церквей г. Минска. (Екатерининский собор) // Минские Епархиальные Ведомости. — 1877. — №16. — С. 321-326; №17. — С. 344-349; №18. — С. 364-370; №19. — С. 383-390; №20. — С. 416-423.

16. Келтуяла В. История русской литературы от половины XIII в. до конца XVII в. — СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1911. — Т. 2. — 938 с.

17. Кивлицкий Е. Мнимый бунт на Волыни в 1789 г. // Киевская Старина. — 1902. — №11. — С. 283-300.

18. Киприанович Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени. – Вильно: тип. И. Блюмовича, 1895. – 236 с.

19. Костомаров Н. Последние годы Речи Посполитой. – СПб.: тип. М.И. Стасюлевича, 1886. – 3-е изд. – Т. 1. – 763 с.

20. Котович И. Портреты духовных деятелей эпохи воссоединения западнорусских униатов с Православной Церковью с кратким очерком Православия в унии в Западнорусском крае. – Вильно, 1889. – 30 портр. и рис.

21. Коялович М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен (до 1800 г.). – Мн.: изд. «Лучи Софии», 1999. – 400 с.

22. Л-в. П., свящ. Виктор, епископ Переяславский // Киевские Епархиальные Ведомости. – 1861. – №1. – С. 79-89; №2. – С. 135-152; №3. – С. 216-223.

23. Линчевский М. Педагогия древних братских школ и преимущественно древней киевской академии // Труды киевской духовной академии. – 1870. – №3. – С. 43-76; №4. – С. 104-154; №5. – С. 437-500; №6. – С. 536-588.

24. Максимович М.А. Собрание сочинений. – Киев, 1876. – Т. 1. – 437 с.

25. Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские православные иерархи (992-1892). Т. 1-3. – М.: изд. Сретенского м-ря, 2002-2004.

26. Материалы к истории трехлетнего заключения православного епископа Виктора Садковского в польских тюрьмах / П.Ф. Николаевский // Христианское чтение. – 1892.

— Ч. 2. — С. 165-201.

27. Мінская епархія // Беларускі Праваслаўны календар 2000. — Мн.: Свято-Петра-Паўлаўскі сабор г. Мінска, Беларускае Праваслаўнае Брацтва Трох Віленскіх Мучанікаў, 1999.

28. Орловский Петр, прот. Преосвященный Виктор Садковский, архиепископ Минский, Изяславский и Брацлавский, коадъютер Киевской митрополии, управляющий с 1785 по 1796 год всеми православными церквями и монастырями в пределах бывшаго ц. Польского // Киевская Старина. — 1892. — №7. — С. 20-54.

29. Официальные документы по делу Виктора Садковского / Прот. Петр Орловский // Киевская Старина. — 1892. — №9. — С. 414-420.

30. Петров Н. Черниговский Спасо-Преображенский собор и его архитектурные особенности. — Киев, 1916. — Т. 1. — С. 23.

31. Письма к разным лицам Преосвященного Виктора Садковского, первого Минского архиепископа (I—CL) / С.Г. Рункевич. Материалы для истории Минской епархии // Минские Епархиальные Ведомости. — 1891. — №24. — С. 740-748; 1892. — №1. — С. 16-21. — №2-3. — С. 22-30; №4. — С. 31-45; №5. — С. 46-52; №6. — С. 53-78; №7-8. — С. 79-93; №9. — С. 84-107; №10. — С. 108-127; №11. — С. 128-153; №12. — С. 154-178; №15. — С. 179-190; №16. — С. 191-216; №17. — С. 217-229; №18. — С. 230-256; №19. — С. 257-274; №20. — С. 275-283; №21. — С. 284-299; №22. — С. 300-316; №23. — С. 317-331; №24. — С. 332-347.

32. П.Л. По поводу 900-летия Черниговской архиерейской кафедры // Киевская Старина. — 1892. — №10.

33. Польская конституция 3 мая 1791 г. // Хрестоматия по русской истории / Сост. М. Коваленский. — М.-Петроград: Гос. изд., 1923. — 2-е изд. — Т. III. — 561 с.

34. Рункевич С. История Минской архиепископии (1793-1832 гг.). С подробным описанием хода воссоединения западнорусских униатов с Православною Церковью в 1794-1796 гг. — СПб.: тип. А. Катанского, 1893. — 574 с.

35. Серно-Соловьевич Ф.Ф. Древнерусский город Слуцк и его святыни. — Вильна: тип. Сыркина, 1896. — 32 с.

36. Служебный путь Преосвященного Виктора Садковского, первого Минского архиепископа. Материалы для истории Минской епархии / С.Г. Рункевич // Минские Епархиальные Ведомости. — 1894. — №21. — С. 578-582; №22. — С. 621-626; №23. — С. 668-670; 1895. — №7. — С. 168-203; №8. — С. 229-233.

37. Смолич И.К. История Русской церкви. — М.: изд. Спасо-Преображенского Валаамского м-ря, 1996. — Т. 8. Ч. 1.

38. Стефан (Корзун), архиеп. История Минской Духовной Семинарии // Ступени. — 2000. — №1. — С. 6-8.

39. Тальберг Н.Д. История Русской Церкви. Репр. воспр. изд. 1959 г. (Джорданвиль). — М.: изд. Сретенского м-ря, 1997. — 924 с.

40. Требник. — М.: изд. Сретенского м-ря, 2000. — 655 с.

41. Три письма Преосвященного Виктора Садковского

к Могилевскому архиепископу Георгию Кониcскому / П. Горючко. К истории воссоединения униатов в Минской архиепископии 1794-1795 гг. // Минские Епархиальные Ведомости. — 1902. — №8. — С. 180-186.

42. Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года. — Петрозаводск: «Фолиум», 1997. — Ч. 2 — 957 с.

43. Филарет (Гумилевский), архиеп. Обзор русской духовной литературы. — СПб., 1884. — Ч. 2. — С. 388-389.

44. Чистович И. Очерки истории западнорусской Церкви. — СПб.: тип. деп. уделов, 1884. — Ч. 2. — 419 с.